

ВЕРТИКАЛЬ

ЗДЕСЬ НЕТ ОБЛОЖКИ, ЗДЕСЬ ЕСТЬ ТЕКСТ.

В. ШТОЛЬМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Виталий Штольман

Вертикаль

<https://litres.ru/73560519>

SelfPub; 2026

Аннотация

Здесь должен быть вовлекающий продающий текст, который заставил бы вас читать мою нетленку, но, увы, его не будет, ибо я - писатель, а не маркетолог.

Роман для преданных поклонников творчества Виталия Штольмана. Приквел "Горизонтالي" по локации. Приквел "Бота" по персонажу.

Хтонь. Мрак. Жестокость.

Покупаем билеты. Поезд в Белосвестк уходит по расписанию с 13 платформы.

Содержание

Дисклеймер	4
Пролог – 5 июля 2015 года	14
Глава 1 – 2 июля 2015 года	17
Глава 2 – 3 июля 2015 года	42
Глава 3 – 4 июля 2015 года	80
Глава 4 – 5 июля 2015 года	109
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Виталий Штольман

Вертикаль

Дисклеймер

Книга содержит элементы сатиры, иронии, социальной критики, а также темы, затрагивающие человеческие слабости, конфликты, одиночество, абсурдность бытия и другие аспекты, которые могут быть восприняты как провокационные, тревожные или неоднозначные. Рекомендуется для читателей (слушателей), достигших возраста 18 лет, а в отдельных случаях в зависимости от зрелости и устойчивости нервной системы.

Автор не гарантирует отсутствие психологического воздействия.

Важно знать!

Автор не претендует на достоверность описываемых событий, персонажей, диалогов или реалий.

Любые совпадения имен, фамилий, должностей, географических названий, организаций, исторических фактов, культурных явлений или бытовых деталей с реально существующими лицами, структурами, местами или событиями носят исключительно случайный или художественный характер и не подразумевают прямой отсылки, клеветы,

оскорбления или намеренного искажения действительности.

Все персонажи, сюжеты, диалоги и обстоятельства, описанные в книге, являются исключительно вымышленными. Любые попытки интерпретировать их как отражение реальных людей, групп, институтов или общественных явлений должны рассматриваться как проявление читательской интерпретации, а не как подтверждение фактической связи. Автор оставляет за собой право на художественную условность, преувеличение, иронию, гротеск и стилизацию, включая использование приемов сатиры, иносказания и аллюзий.

Данное произведение имеет возрастное ограничение 18+. Несовершеннолетним лицам запрещено к ознакомлению.

Возрастные ограничения и этические нормы

Книга содержит элементы сатирического и драматического характера, включая темы, затрагивающие человеческие слабости, социальные конфликты, одиночество, абсурдность бытия, а также эпизоды насилия и жестокости, ненормативную лексику и сцены, касающиеся психического здоровья и суицидальных настроений, ситуации, связанные с употреблением, распространением или производством наркотических средств, алкоголя и сигарет.

Использование ненормативной лексики в текстах является художественным приемом, отражающим реалии речи персонажей, их социальный статус, эмоциональное состояние или сатирический и драматический контекст. Оно не выражает позицию автора и не призвано оскорбить читателя (слу-

шателя). Тем не менее, автор предупреждает, что такие выражения могут быть восприняты как оскорбительные, грубые или неуместные в зависимости от культурного, возрастного или этического контекста.

Все события, персонажи и ситуации, связанные с употреблением, распространением или производством наркотических средств, описаны исключительно в рамках литературного сюжета и не преследуют цели пропаганды или оправдания подобных действий. **Автор категорически осуждает** любое употребление наркотических веществ и напоминает, что это представляет серьезную угрозу для физического и психического здоровья человека. Употребление наркотиков может привести к необратимым последствиям, включая разрушение организма, психические расстройства, формирование зависимости, деградацию личности, сокращение продолжительности жизни. **Важно помнить**, что незаконный оборот наркотических средств является уголовно наказуемым деянием согласно действующему законодательству. За приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку, сбыт или пересылку наркотических веществ предусмотрена строгая уголовная ответственность, вплоть до лишения свободы на длительный срок. **При обнаружении признаков зависимости** необходимо незамедлительно обратиться за профессиональной помощью к специалистам. Существует множество государственных и частных организаций, готовых оказать квалифицированную помощь в борь-

бе с наркотической зависимостью. Данное предупреждение не отменяет художественного характера произведения и служит исключительно для информирования читателей (слушателей) о реальной опасности употребления наркотических веществ.

Все ситуации, связанные с суицидальными мыслями, попытками или действиями персонажей, описаны исключительно в рамках литературного сюжета и не преследуют цели пропаганды или романтизации подобных действий. **Автор категорически осуждает** любые формы суицидального поведения и призывает читателей (слушателей) к бережному отношению к собственной жизни. Включение подобных сцен обусловлено исключительно художественными задачами и необходимостью достоверного отображения определенных психологических состояний персонажей. Цель автора – не романтизация, а демонстрация трагических последствий отчаяния и важности поиска альтернативных путей решения жизненных проблем. **Важно помнить**, что мысли о самоубийстве – это серьезный сигнал, требующий немедленного обращения за профессиональной психологической помощью. Существует множество организаций и специалистов, готовых оказать поддержку людям, находящимся в кризисном состоянии. **При возникновении кризисной ситуации** необходимо обратиться за помощью к близким людям, позвонить на телефон доверия, посетить психолога или психотерапевта, воспользоваться услугами спе-

циализированных центров поддержки. Пропаганда суицидального поведения является противоправным действием и преследуется по закону. Распространение информации, побуждающей к самоубийству, влечет за собой административную и уголовную ответственность. Данное предупреждение не отменяет художественного характера произведения и служит исключительно для информирования читателей (слушателей) о реальной опасности романтизации суицидального поведения. **Автор призывает** читателей (слушателей) при обнаружении признаков кризисного состояния у себя или близких незамедлительно обратиться за профессиональной помощью и помнить, что любая проблема имеет решение, а жизнь бесценна.

Все сцены употребления алкоголя и табачных изделий описаны исключительно в рамках литературного сюжета и не преследуют цели пропаганды или поощрения подобных действий. Включение сцен употребления алкоголя и табака обусловлено исключительно художественными задачами и необходимостью достоверного отображения определенных социальных реалий. Цель автора – не романтизация, а демонстрация последствий злоупотребления и важности ведения здорового образа жизни. **Важно помнить**, что употребление алкоголя и курение представляют серьезную угрозу для здоровья человека. Эти привычки могут привести к развитию хронических заболеваний, повреждению внутренних органов, формированию зависимости, сокращению продол-

жительности жизни, ухудшению качества жизни. Продажа алкоголя и табачных изделий несовершеннолетним запрещена законом. Курение и употребление алкоголя в общественных местах преследуются по закону. **При обнаружении признаков зависимости** необходимо незамедлительно обратиться за профессиональной помощью к специалистам. Существует множество организаций, готовых оказать квалифицированную помощь в борьбе с вредными привычками. Данное предупреждение не отменяет художественного характера произведения и служит исключительно для информирования читателей (слушателей) о реальной опасности употребления алкоголя и табака. **Автор призывает** читателей (слушателей) критически относиться к описанным событиям и не воспринимать художественное произведение как оправдание или призыв к употреблению алкоголя и табачных изделий. **Помните:** здоровый образ жизни – это выбор сильных и ответственных людей, заботящихся о своем будущем и будущем своих близких.

- Сцены насилия и жестокости описаны исключительно в рамках литературного сюжета и не преследуют цели пропаганды или оправдания подобных действий. **Автор категорически осуждает** любые формы насилия и жестокости. Включение подобных сцен обусловлено исключительно художественными задачами и необходимостью достоверного отображения определенных социальных явлений. Цель автора – не романтизация, а демонстрация трагических по-

следствий насилия и важности гуманистических ценностей. **Важно помнить**, что насилие в любой форме является преступлением против человечности и преследуется по закону. **При столкновении с ситуациями насилия** необходимо немедленно обратиться в правоохранительные органы, сообщить о происходящем близким людям, обратиться за психологической помощью, воспользоваться услугами специализированных центров поддержки. Любые формы физического и психологического насилия являются уголовно наказуемыми деяниями. За совершение насильственных действий предусмотрена строгая ответственность в соответствии с действующим законодательством. При обнаружении признаков агрессивного поведения у себя или близких необходимо незамедлительно обратиться за профессиональной помощью к специалистам. Существует множество организаций, готовых оказать квалифицированную психологическую поддержку. Данное предупреждение не отменяет художественного характера произведения и служит исключительно для информирования читателей (слушателей) о реальной опасности романтизации насилия. **Автор призывает** читателей (слушателей) при столкновении с описанными в произведении ситуациями проявлять максимальную бдительность и помнить, что насилие никогда не является решением проблем, а только усугубляет их. Помните: гуманное отношение к окружающим и мирное разрешение конфликтов – это основа цивилизованного общества и залог безопас-

ной жизни каждого человека.

Рекомендации по восприятию

Данная книга не рекомендуется к прочтению (прослушиванию):

лицам, не достигшим 18 лет;

читателям (слушателям), склонным к внушаемости, эмоциональной лабильности или имеющим в анамнезе психические расстройства;

тем, кто находится в состоянии острого стресса, депрессии или кризиса.

Чтение (прослушивание) осуществляется исключительно на личный риск читателя (слушателя).

Авторское заявление

Автор, чтец, издатель, редактор, корректор, верстальщик, типография, курьер, почтальон, владелец сервера, разработчик программного обеспечения, изобретатели гаджетов, электричества и всего живого на этой планете, а также любые третьи лица, прямо или косвенно причастные к созданию, распространению или потреблению данного издания, снимают с себя любую ответственность за:

эмоциональное, психическое или философское состояние читателя (слушателя) до, во время и после ознакомления с материалами;

возможные приступы смеха, грусти, раздражения, ностальгии, апатии, вдохновения или экзистенциального кризиса;

последствия цитирования текста в спорах, переписке, научных работах, публичных выступлениях или на семейных праздниках;

любые действия, предпринятые читателем (слушателем) под влиянием прочитанного (прослушанного), включая, но не ограничиваясь: смену мировоззрения, разрыв отношений, написание собственного романа, уход в горы, попытку устроиться на работу или подражание поведению главного героя;

технические сбои, возникшие при чтении (прослушивании) в электронном (аудио) формате (включая, но не ограничиваясь: разряд батареи, сбой Wi-Fi, зависание приложения, слезы на экране, сломанные наушники);

возможное недопонимание, вызванное иронией, сарказмом, абсурдом или чрезмерной драматизацией.

Защита прав третьих лиц

Все упоминания торговых марок, брендов, названий организаций, СМИ, государственных структур, культурных институтов, музыкальных произведений, фильмов, книг, интернет-ресурсов и иных объектов интеллектуальной собственности носят исключительно иллюстративный характер. Использование таких наименований не свидетельствует о поддержке, одобрении, причастности или сотрудничестве с указанными организациями или правообладателями. Все упомянутые бренды и названия являются собственностью соответствующих владельцев.

Целевое назначение

Настоящее издание предназначено исключительно для досугового, художественного и культурного потребления. Оно не является руководством к действию, научным трудом, официальным документом, медицинским советом, юридической консультацией, политической декларацией или религиозным текстом. Автор не несет ответственности за любые последствия, возникшие в результате интерпретации содержания как прямого указания к поведению, решению или мировоззрению.

Заключительное заявление

Чтение (прослушивание) данной книги означает, что вы ознакомились с настоящим дисклеймером, поняли его содержание и принимаете его в полном объеме. Вы подтверждаете, что используете материалы на свой страх и риск, без предъявления каких-либо претензий к автору, чтецу, издателю или иным участникам процесса создания и распространения.

Пролог – 5 июля 2015 года

Вечер. Белосветск. Район «Восьмуха». Школа №27.

«Пиво – жидкий хлеб! – размышлял усатый охранник, раскачиваясь на стуле перед мониторами, что показывали всю территорию вокруг школы, – Хорошо, когда лето! Школы на каникулах, начальство в отпусках, только ходи сюда, да штаны протирай, а за это еще и деньги платят. Красота! Сказка! А говорили, что нет жизни на пенсии. Вот она! – Он открыл пачку чипсов «Lay's» со вкусом малосольных огурцов и засунул туда свой нос, затем положил пачку на стол, – Чего только не придумают! Чудеса, да и только! – Баночка пива торжественно пшикнула и начался праздник души, – Еще бы зрелища к хлебу и было бы шикарно! А этот чертов телевизор сгорел, а сегодня финал чемпионата Америки. Чили и Аргентина. Артуро Видаль, Клаудио Браво, Варгас... Берегись, Лионель Месси! Может, завтра в повторе покажут? Нет, это уже не интересно, да и сейчас, чем заняться? Спать снова лечь? А если опять эти торчки залезут на территорию? Ходят тут и ходят, будто у них через день ретроградный Меркурий, бутылок своих накидают, чинариков. Хлебосольное мракобесие! Мне опять потом втык вставят... Поспал в прошлый раз! Убирать за этими иродами заставили! А так на кнопочку нажал, и все – сиди жди, когда ГБР придет... Я – пенсионер, мне зачем эта непрекращающаяся го-

ловная боль? Каждый должен заниматься своими делами! – В одном из мониторов образовалась какая-то жизнь, – Да вы издеваетесь? Так-так-так, чего это у нас тут? Где мой блокнот? Так и запишем: «Нарушитель общественного правопорядка. Мужчина, ориентировочно двадцать пять лет. Плюс-минус. Спортивного телосложения. Предположительно хулиган!» – Только охранник захотел нажать на кнопку вызова вневедомственной охраны, как следом один за другим через забор перелетели три здоровенных быка в кожаных куртках и лысыми головами, – Опасную игру ты затеял, братишка. Так и запишем: «И три криминальных элемента, ростом под два метра, весом больше центнера, может, полтора...» – Страж школы переключился на другой монитор, в котором отчетливо виднелось, как добрые молодцы поймали бегуна прямо на сцене уличного амфитеатра и принялись жестоко избивать, – М-да-а-а-а! Такого зрелища эта сцена еще не видывала! Прямо по Уильяму нашему Шекспиру. Бедный, Йорик! Я знал его, Горацио... Черт, откуда это в моей голове? – Он отпил пивка, закинулся чипсами, – Главное, чтоб лавки не сломали! Надо вызывать ГБР! А хотя... Вон они его куда-то поволокли! Ну и пусть тащат! Чего мужикам туда-сюда таскаться? У них-то поди телевизор есть. Они, чай, футбол смотрят... Чили и Аргентина. А я их отвлеку от такого зрелища. Ладно, если бы тут кого-то убили, а то никого ж не убили. А что там за забором будет, разве это мои проблемы? Не мои! Зарплату мне платят только за то, что внутри забо-

ра, а что снаружи... Это уже к участковому! Вот он пусть с ними и разбирается! – Охранник допил бутылку пива и открыл новую, – Ушли. Ну и славненько».

Глава 1 – 2 июля 2015 года

День. Белосветск. Район «Восьмуха». Автосервис Болова.

На кожаном кресле в славянской рубаше с орнаментом, опоясанный кушаком, развалился Болт, он же Аркадий Матвеевич Болов, криминальный авторитет в девяностые, а ныне уважаемый бизнесмен, что подмял под себя весь славный град Белосветск, ибо обладал редчайшей тягой к власти, вызванной чувством собственной исключительности... Резкий. Дерзкий. Стальной. Он наблюдал за спектаклем, в котором сам был и режиссером, и драматургом, и главным героем. На подхвате его верные быки, трое из ларца, одинаковых с лица: Матюша, Кирюша и Олежа. Злые, как Церберы... И верные, как Шарики, коих с помойки забрали в теплую конуру, да еще и кормили от пуза. Болт давным-давно заметил их еще шпаной из детского дома, что промышляла банальным гоп-стопом на районе, а затем направил в нужное русло... В нужное ему русло. Главным антагонистом в сцене выступал некий тощий хлопец по прозвищу Вострик, начавший спектакль связанным по рукам и ногам, да подвешенным над здоровенной пожарной бочкой... На цепи кран-балки, которая то и дело поднималась и опускалась по приказу режиссера, дабы потренировать навык актера в задержке воздуха. Жестокость и агрессия действия приправлялась колоритом красного неона, освещающего автосервис.

Шанс на участие в смертельном номере Вострик получил, когда решил по-быстрому поправить финансовое состояние. Легкость бытия, совершенно не заставляла думать о будущем. Он просто плыл по течению, периодически пробиваясь то к одному, то к другому берегу, а неправильные толкования жизни вкупе с презрением к разлагающемуся миру привели его к организации небольшого алхимического предприятия, изготавливающего зелья, скрещая различные элементы из таблицы Менделеева. Поначалу получалось довольно-таки недурно. Неотесанному люду нравилось. Неотесанный люд балдел. Предприятие набирало оборот. Вострик привлекал на работы все больше и больше де-ляг, отчего уровень промысла значительно падал. Работягам было не до сего, ибо сами они не лучше потребителей своей же продукции. Заурядные рабы грязных желаний, ни больше, ни меньше.

Контроль качества отсутствовал как класс, зато маркетинг работал на массы, совершенно не беспокоясь о последствиях... А последствия имелись. К стандартному набору потери памяти, торможению и снижению когнитивных способностей до одноклеточных прибавлялись проблемки посерьезнее: судороги, обмороки, остановка дыхания, смерть. Истина всегда очевидна, но не всем.

Аркадий Матвеевич, будучи представителем более возрастного поколения, и так пребывающего не в восторге от данного направления людской деградации, а тут пандемия

всегогородского масштаба... Пандемия, на которую плевать массам... Тогда-то он решил напомнить о существовании зверя внутри себя по кличке Болт, что когда-то наводил страх и ужас на белосветчан, да и показать зажавшимся чиновникам, кто действительно управляет городом. Вострика нашли за день. Не сказать, чтобы алхимик так уж и скрывался, он был ментально слеп и много заглядывался на звезды, потому-то бандитам не составило труда, чтоб разыскать его. Бездна сбитый с толку и суетливо истеричный неудачник пытался уверить похитителей в глубочайшей порядочности и затруднительном душевном состоянии, затем умолял простить, обещал уехать из города, даже сдать законникам, но плоский монолог оставался без ответа, и он раз за разом отправлялся на водные процедуры. Общество нетерпимо к промахам. Лишь тяжелые взгляды. Звон цепей. И рокот мотора кран-балки.

– Достаточно! – Болт поднял руку, остановив представление. Матюша тут же положил пульт на стол и уронил свои тела на ржавый железный ящик, закурил, – Какова истина твоих провалов?

– Аркадий Матвеевич! Аркадий Матвеевич! – протяжно завыл Вострик. – Я прошу вас, пощадите! Дурак! Дурак я! Денег захотелось быстрых. У меня ж отца нет! Мать на двух работах работает! Бабка еще слегла. Она шейку бедра сломала. Врачи сказали, что больше не срастется. Так и будет лежать. Сиделка нужна. А на сиделку деньги! А где их взять?

Вот я и решил маменьке помочь! Я, конечно, понимаю, что это очень плохо... И я виноват! Ну, поймите же, что семья – это святое! Вы это знаете! Давайте я вам все деньги отдам! Все, что заработал! Прошу! Они в гараже на «Восьмухе». Третий ряд. Черные ворота. Там «калаш» на двери нарисован белой краской. Там холодильник старый «Орск». В морозилке. Заберите все, Аркадий Матвеевич, пожалуйста! Мне не нужны эти деньги грязные! Я найду честную работу и буду помогать семье! Правда-правда! А-а-а-а! Ключи же. Да, ключи. Ключи от гаража в машине. Ну, в той, из которой вы меня забрали! В бардачке!

Олежа молча вышел из автосервиса.

– Звать как? – выстрелил словом авторитет.

– Вострик, Аркадий Матвеевич! Илюхой матушка назвала.

– Ты свои эти тупые остроты брось, они не колют, они мучают. Дом без фундамента рано или поздно развалится. Развалится дом и с фундаментом, но поздно. И речь далеко не о домах. Хотел быть мужиком? Добро пожаловать в мужскую игру, Илья! А здесь за большими деньгами стоят большие преступления. По силам ноша?

– Простите, Аркадий Матвеевич! Я знаю, что постановка есть – не банчить по городу. Умом бог не наделил, считайте, калека. Хотел по-быстрому бабла нарубить. Говорю же! Не для себя, семьи ради!

– Очутившись на тонущей лодке, становится совершенно

плевать, сколько капусты в лопатнике. Грядущая смерть выравнивает всех. Кирилл, у нас есть топор?

– Есть, – без эмоций ответил бандит.

– Принеси, будь добр!

Кирюша ушел в кладовку.

– Аркадий Матвеевич, зачем топор? – завыл Вострик, – Не надо топор! Я не хочу топор! Простите! Не убивайте! Я вам все отдам! Все отдам! Вообще все! У меня еще есть заначки! Давайте я работать на вас буду. Честно работать! Вы только скажите, что делать. Я на все готов!

– Знаешь ли, Илья, некоторые люди ранят себя, ведь решили, что заслуживают боль. Самобичевание – клетка, которую стоит разрушить. Мы поможем тебе освободиться от столь тяжкого груза.

– Шеф, пожарный пойдет? – выйдя из кладовки, обозначил свою находку Кирюша, – Мне кажется, он тупой. Наточить?

– И так сойдет!

– Аркадий Матвеевич, не надо! Не надо! Прошу вас!

– Коль ума нет, то на кой голова? – Болт продолжал издеваться над своим пленником, – Ох, уж эти мальчишки. Глупость – уверенность, ум – сомнения. Не знают очевидных вещей, но мы это исправим. Мы это исправим!

– Аркадий Матвеевич! Аркадий Матвеевич!

– Кирилл, давай топор сюда и заткни ему рот, достал уже воздух сотрясать!

В автосервисе стало значительно тише. Лишь хождение лезвия топора о бетонные полы рождало мучительные для жертвы звуки.

– Матвей, головы сечь или топить?

– Как скажете, шеф, так и будет! Воля ж ваша!

– Кирилл?

– Как скажете, шеф, так и будет! Воля ж ваша!

– Привычные ярлыки! Снова сам! Все сам, да сам! – гнев-но размышлял авторитет, а затем полез в карман, откуда вытащил монетку. – Счастливая монета! Все стрелки со мной прошла... И когда бомбеевских щемили, и заводских. Всех. Вот времена-то были! Едешь на рамс и не знаешь, вернешься живым, аль не вернешься! А сейчас что? Пресловутая избитость. Лишь отголоски ушедших дней еле доходят. Скукота! – Он положил монетку на стол, что стоял пред ним, взял сигаретку и закурил, – Молишься, Илья? – Вострик замычал, – Молишься! Я знаю! Молишь господа нашего о прощении! А заслужил ли ты его? Ребятишки мои по всему городу тебя искали! Как думаешь, им заняться нечем? А я тебе отвечу: «Есть чем!» Скольких ты людей напряг? Одни искали, другие сервис этот открывали, чтоб ты у нас погостил. Сейчас вот и я на тебя даже время трачу! Матвею с братьями работы подкинул! Кровь от бетона, знаешь ли, плохо отмывается! – Вострик вновь замычал, но Болт не обратил на сие внимания, – А надо мыть сразу, чтоб не засохла! Как ты думаешь, хочется им этим заниматься? Не хочется! Не хочется, а при-

дется! А им, может, пивка охота попить вечером под футбол, или с женщиной какой страсти предаться. Матвей, ты любишь проституток?

– Не люблю, шеф, какая-то это фальшивая страсть.

– Ты феминист?

– А мужик вообще может быть феминистом?

– Еще как... Я люблю феминизм. Хотят женщины равноправия, кто ж им запрещает? Хочет торговать телом, пусть торгует, в выигрыше все.

– А я все же романтик.

– Ба-а-а-а, Матвей, какая бесчувственная пошлость! Удивил старика, – авторитет расхохотался, – У тебя и достойная женщина есть?

– Есть, шеф!

– Видишь, Илья, заменил ты моему подопечному ночь страсти на ночь с водой и бетоном... А потом ж еще и лопатами придется махать! До самого утра дел масса. Как-то многовато проблем ты один создал, тебе так не кажется? – Он взял со стола монетку и закрутил ее меж пальцев, – Орел если выпадет, то встретишься ты с топором, а если решка, то с водой, договорились? – Вострик умоляюще замычал, – Ладно-ладно, раз ты уж просишь, то спасение обретишь, если мой талисман встанет на ребро. Матвей, это же честно?

– Вполне!

– Кирилл?

– Вполне!

– Вот и я думаю, что вполне себе честно, – Болт подбросил монетку в воздух, она покрутилась, затем звонко упала на бетон и покатилась, обретя финал пути, оперевшись о ножку стола, – Во дела! Повезло тебе, Илья! Домой придешь, купи лотерейный билет! Фартовый ты малый! Кирилл, вытаци ему кляп.

Бандит вернул жертве голос.

– Аркадий Матвеевич, Аркадий Матвеевич, спасибо! – затараторил Вострик, – Спасибо! Век вас не забуду! Я... Я больше никогда... Никогда с этой дрянью не свяжусь! Никогда! Возьмусь за ум, Аркадий Матвеевич! На работу устраюсь! Я же на тракториста учился, вот и пойду в сельское хозяйство! Я все понял! Спасибо господу, что услышал мои молитвы! Вам огромное спасибо за урок!

– Планы шикарные. А сиделку бабке-то нанял? – авторитет затушил сигарету в пепельнице.

– Какой бабке? Померла года три назад.

– Которая шейку бедра сломала.

– Ах, вы о той бабке. Совсем забыл, простите, Аркадий Матвеевич! У меня же две бабки. Это башка дырявая, ничего уж и не помнит сосем. Это все от химозы клятой! Но я все... Ни-ни! Конечно, нанял. Конечно, нанял. Самую лучшую сиделку в городе нанял.

– Цыц! – Болт поднял крепко сжатый кулак вверх, – Замокнутая гордыня оскверняет все на своем пути... Мятому листу уже не стать прежним. В следующей жизни испра-

вишься, Илья... В следующей жизни! А в этой могила без имени... К сожалению!

Матюша взял пульт от кран-балки и нажал на кнопку, груз поехал вниз.

– Аркадий Матвеевич, почему? Вы же простили! Простите-простите! Умоляю! Умо... – голова Вострика погрузилась в воду.

– Мелкий какой, а наплескал сколько... Кирилл, сделай мне кофе!

– Хорошо, шеф!

Бык отправился в ближайший кабинет, а в этот момент вернулся Олежа с мятым пакетом подмышкой.

– Шеф, барыга не обманул! Вот, деньги! – он положил пакет на стол.

– Не пачкай мой стол грязными деньгами! Отдай их бухгалтеру, он знает, что делать.

– Шеф, ваш кофе! – вернулся и Кирюша.

– Шеф, он все! – обозначил финал экзекуции Матюша.

– Шеф, шеф! – вышел из себя Болт, – Сколько можно? – он отпил кофе и тут же выплюнул его, – Что за параша? Купите сюда хороший кофе! Настроение только испортили! – авторитет встал и отправился на выход, – Приберитесь тут! Я на семейный ужин, меня ждет утка по-пекински, так что звонить лишь в экстренных случаях.

Вечер. Белосветск. «Долина нищих». Дом Болова.

Ксюха лежала в своей комнате на кровати и пыталась разбавить бушующий поток мыслей Сереженькой Лазаревым, что пел ее любимые песни в наушниках новенького плеера. Он справлялся и раньше, но не сегодня, ибо прекрасная птица, охраняемая гарпией, вылетела из золотой клетки, чтобы устроить бунт, но залетела... Но залетела. Ее авантюрный роман вылился в две полоски на тесте о беременности.

«Что это за уравнение с массой неизвестных? Что делать, Сереженька? Что делать? – гоняла плачевные мысли девушка. – В больницу идти? Да там каждая собака папашку моего знает! Доложат. Ты еще вернуться не успеешь, как доложат. Стоит поговорить с кем-то... Но с кем? С мамой? Она поймет? А если не поймет? Пой, Сереженька, громче пой! Ты лишь одна радость в моей жизни. Надо с кавалером своим поговорить. Точно! Может, у него дельная мысль какая проскочит... Хотя... Какая у тридцатилетнего твердолобого мужика дельная мысль? Вот голову кому-то проломить... Это да! Тут они все молодцы! А в женских делах разве шарят? Да и должны ли? Тут либо рожать, либо на аборт! Папашка будет орать в любом случае! Я уже представляю: «Не такой я тебя воспитывал! Одеваешься, как шлюха, вот и результат! Нагуляла! Какой позор! Это оскорбительно! Не того я ожидал от родимой дочери! Что подумают уважаемые люди?» – Ксюха выдернула наушники из ушей и выключила плеер, отправив Лазарева на заслуженный покой, – Это он еще не знает, кто ему внука заделал! Жесть какая! В два-

дцать лет как-то не планировала я рожать! Вся жизнь ж еще впереди! Успеется! Хотя... Мать-то меня в двадцать и родила, а это значит, что залетела в девятнадцать... И папашке моему тогда под сорок было... И он был бандит. Как и мой. Так что какие претензии? Яблоко от яблоньки не далеко падает. Прошу меня простить, Аркадий Матвеевич! Прошу меня простить, Анфиса Сергеевна! – девчушка вышла из комнаты, окинула взглядом хоромы, где жила... А дом ее напоминал дворец династии Романовых: три этажа, лепнина, винтажные лестницы, ростовые картины, зеркала, огромные люстры, резные светильники. От количества золота аж рябило в глазах, – Тем более, Ксения Аркадьевна, яблонька-то у тебя постаралась, чтоб ты упала куда надо. Тебе-то по съемным квартиркам с чадом своим шариться не придется, пока благоверный сидит в тюрьме. Хорошо, что ты уж слишком мелкая была, чтоб это помнить. А твое дитяtko сделает шаги здесь... В семейном дворце Боловых! Это же другое дело! Надо это дело обкурить!»

Ксюха вышла из дома и устроилась в беседке, откуда открывался прекрасный вид, как на участке что-то делал престарелый садовник.

– Дядь Вить, а вы Матюшу не видели? – окликнула она его, он не ответил, отчего девчушка прибавила громкости, – Дядь Витя! Дядь Витя!

– А? Что? Где? – вертел головой дедушка, – А, Ксенечка! Что говоришь, девочка моя?

– Дядь Вить, а вы Матюшу не видели?

– Дай я подойду, а то не слышу уж ни черта! – бухтел себе под нос садовник, приближаясь к дочери хозяина, – Что говоришь, девочка моя?

– Дядь Вить, вы совсем ничего уж и не слышите?

– Тут слышу, там не слышу! – по-доброму улыбнулся де-душка.

– А вы Матюшу не видели?

– Архаровцы все уехали куда-то еще в обед.

– Все трое?

– Ага.

– А сказали, когда вернутся?

– Да кто ж их знает-то? С хозяином, поди! Люди ж деловые! А, вон смотри, – он указал на открывающиеся автоматические ворота, – Аркадий Матвеевич вернулся, ну и они с ним, наверное.

– Дядь Вить, – Ксюха резко нагнулась, чтоб из-за беседки отец не смог ее увидеть, – возьми сигаретку, а то папашка меня убьет, если узнает, что я курю!

– Так я ж не курю!

– Ну прикрой меня как-нибудь!

– Здорова, дядь Вить! – крикнул садовнику вышедший из машины Болт.

– Здравствуйте-здоровствуйте, Аркадий Матвеевич! – дед засеменил в его сторону, ловко метнув чинарик в клумбу с орхидеями.

– Все трудишься? Не поздно уже? Шел бы домой!

– Да как-то ж увлекся вашими цветами... Дюже ж красивые выросли.

– Так ты ж и вырастил!

– С божией помощью!

– Это да! Ладно, бывай!

Болт зашел в дом. Из беседки высунулась голова Ксюхи.

– Ушел? – прошептала она.

– Чего?

– Ничего уже.

– Выходи, девочка моя!

– Спасибо, дядь Вить!

– Матюша, правда, не приехал. А он тебе на кой, кстати?

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали.

– Ах, егоза! – улыбнулся дедушка.

– Да, дело у меня есть к нему! – Ксюха не очень хотела развивать сию тему, отчего рванула в сторону второго выхода, кратко и сухо обронив на ходу, – До свидания, дядь Вить!

Она на цыпочках прошмыгнула в свою комнату, где улеглась на кровать. Только собралась воткнуть наушники на свое штатное место и вернуться на randevu с Сереженькой Лазаревым, как в комнату зашла мама.

– Ксень, ужин!

– Мам, ну сколько можно говорить, что моя комната – это мое личное пространство. Стучаться как бы надо!

– Вот как будешь за себя платить, так и будет у тебя лич-

ное пространство.

– Ой, а то ты как будто платишь, – пробухтела себе под нос дочь.

– Я как бы все слышу! – добавила стали в голосе мать.

– Прости, мам!

– Ужин!

– Я не хочу.

– Там отец уже приехал. Ждет! Не хочет она!

– Что это за обязательный ритуал есть вместе?

– Вот будет у тебя своя семья и свой дом, так и будешь там решать, как вам ужинать, а пока твой отец хозяин в доме... Он и решает! – Анфиса Сергеевна резко сменила тон на более ласковый. – У нас утка по-пекински. Твоя любимая.

– Умеешь ты уговаривать! – повеселела дочь и отправилась за матерью.

– Зубы сначала чистить!

– Кто-то учил меня чистить зубы после еды.

– Кто-то учил тебя не курить по кустам.

– Пахнет?

– Пахнет. Отец узнает – накажет.

– Умеешь ты уговаривать!

Обеденный зал располагался на третьем этаже дворца Боловых. Длинный стол со скатертью. Куча тарелок. У каждой по несколько ножей, вилок. Здесь можно было бы разместить человек тридцать, не меньше, но чаще всего действующих лиц трое: Аркадий Матвеевич во главе стола, по правую руку

от него Анфиса Сергеевна, а по левую – Ксения Аркадьевна. Постоянных служанок в доме не имелось, ибо хозяйка справлялась и сама, их зазывали лишь тогда, когда намечалось какое-то крупное застолье, но сегодня не такой случай, потому за всеми ухаживала Анфиса Сергеевна.

– Привет, папуля! – вприхнула в обеденный зал дочурка и, чмокнув отца в щеку, заняла свое законное место.

– Ксения! – Болов, оценивающе осмотрев дочь, положил приборы, коими усердно расправлялся с ужином, – Я сколько раз тебе говорил?

– О чем, папуля? – девчушка изобразила невозмутимую наивность, подобных приемов в ее арсенале имелось предостаточно.

– Ты испытываешь мое терпение?

– Как я могу, папуль?

– Я говорил тебе не одеваться, как блядь?

– А что не так-то? – Ксюха встала и продемонстрировала свой наряд в виде шорт и топики, – Стратегические места закрыты. Да и мне не пятнадцать, папуля!

– Пошла вон отсюда!

– Аркадий! – возмутилась Анфиса Сергеевна.

– Молчи! – Болов вознес указательный палец вверх, он часто проводил терапию корней на всех отклонившихся от курса его философии, – Чтоб мне еще люди говорили, мол, у тебя дочка, как блядь, одевается! Позорище какое! Что за времена? Что за нравы? В мою молодость так только лярвы

панельные ходили! Ты из приличной семьи и должна соответствовать!

– Когда твоя молодость была-то? Когда мамонтов еще по полям гоняли? Мир изменился, папуля! И никакая я не блядь! – Ксюха демонстративно покинула обеденный зал.

– Поговори мне еще! – донеслось ей вслед от отца.

Девчушка выбежала на улицу, плюхнулась в курилке и демонстративно закурила, в этот раз прятаться она не планировала.

Скрипнула калитка и во двор зашел Матюша.

– Привет, Ксюха!

– И тебе привет, Матюш! – недружелюбно резанула хозяйская дочь.

– А что с настроением?

– У меня для тебя две новости: одна хорошая, вторая плохая. С какой начинать?

– С плохой, конечно же.

– Я все рассказала отцу.

– О чем?

– А это уже хорошая новость. Я беременна!

– От кого?

– От святого духа, Матюш, не тупи... От тебя!

– Серьезно?

– Как видишь!

– И что он сказал?

– Ты сейчас серьезно? Вместо того, чтобы сказать: «Лю-

бимая моя, я так рад за нас. Выходи за меня замуж» – тебя интересует реакция моего папашки?

– Так что он сказал?

– Ничего! Козел ты! Пошутила я!

– Про то, что беременна или про то, что рассказала?

– Про то, что рассказала.

– Это хорошо, а то шеф убьет меня!

– В смысле?

– Ну то, что я его малолетнюю дочь охмурил.

– Э-э-э-э, мне вообще-то двадцать.

– Он тебя все равно малой считает еще!

– И что теперь? Ты на мне не женишься?

– Я жить хочу, Ксюх. Ты это... Давай-ка аборт сделаешь и все норм будет.

– Чего? Ты серьезно?

– Ага.

– Тогда я другого папашку найду своему чаду.

– Добро.

– Козел!

– Вы посмотрите на нее! – забасил вышедший из дома Болов, – Она еще и курит!

– Папуля, мне двадцать и нам, лярвам панельным, можно делать все, что захочется.

– Я тебя сейчас заставлю этот бычок сожрать... А ты куда смотришь, Матвей?

– Да... Я... Это... Только хотел ей сказать, и вы вышли!

– Я спать! – Ксюха затушила сигарету в мангале и отправилась домой, – Сладких снов, папуля! Сладких снов, няня Матюша!

– Ксения! – гаркнул на дочь отец, но та уже во всю бежала по белой мраморной лестнице, – Матвей, у нас там все нормально?

– Да, шеф! В сервисе прибрались, я его закрыл. Братья поехали до лесу.

– Свежего воздуха захотелось?

– Ага.

– Поезжай к ним и проконтролируй, ты из них самый ответственный.

– Добро, шеф!

Ночь. Лес в пригороде Белосветска.

Старая «двенашка» освещала злым молодцам место для захоронения недавно убиенного алхимика, порочившего честь и достоинство славного града Белосветска.

– Ненавижу выезды на природу. Кирюха, а ты не мог выбрать место без глины? – негодовал Олежа.

– Я тебе геолог, шоль? – бурчал в ответ тому брат, – На земле прям написано глина там внутри или чернозем?

– Надо было этого клятого Вострика сюда привезти и заставить копать, а потом уже пристрелить, как бешеного пса.

– Так только в кино бывает!

– А в кино-то оно откуда пришло? Не из реальной жизни?

– Да, плевать! Шеф любит их купать!

– Тогда тазик с цементом и пруд. Чем тебе не купание?

Слушай, а может мы его лучше притопим, а?

– Сказали в лес, значит, в лес.

– Сказали ему... А теперь тут копай пол ночи, а завтра с утра поспать никто не даст еще... Полюбэ дела какие-то нарисуются!

– А ты в профсоюз обратись криминальный!

– А чего есть такой? – заржал Олежа.

– Да, я почему знаю? Копай давай! А то у тачки аккумулятор сейчас сядет. Толкать придется!

– Ну ничего! Первый раз, шоль?

– А в темноте тебе копать норм?

– Посветим мобилой!

– Твоим этим... говном пиндосовским? – пробурчал Кирюша.

– Ты че обалдел? Это сейчас самый писк моды! «iPhone 6». 128 гигабайт памяти. Камера 8 мегапикселей, можно даже видео записывать! Тебе любая телка за него даст, если ты ей купишь! Это не твоя Nokia черно-белая.

– Я, что идиот бабе мобилу за пятьдесят косарей дарить? До бани можно доехать, там за двушку очередь выстроится. Выбирай любую! Хоть в рот, хоть в парадный, хоть в шоколадный!

– За шоколадный надо доплатить!

– Ну и что? Пятьсот сверху и держите меня семеро! А

купишь ты бабе эту пиндосовскую шляпу, что она тебе за пятьдесят косарей сделать должна? Абонемент выдать? Они еще тебя и прослушивают!

– Кто?

– Кто-кто? ЦРУ!

– Если бы меня прослушивало ЦРУ, то тут сейчас бы штук десять «бобиков» с мигалками уже стояло...

– А ты думаешь, что иностранные разведки между собой дружат? Компромат на тебя припасли, а потом приедет к тебе дядя Джон в костюмчике и скажет, мол, так и так... Добрый вечер, Олег! Прикопал ты там труп, тогда-то тогда-то... Или мы тебя ментам вашим сдаем или ты Родину предаешь!

– А я ему меж рогов накидаю за такой базар! Я вообще-то морпех! Морпехи Родину не предают.

– И поедешь в Вологду сидеть на стуле, прикрученному к полу.

– Так, я не понял! А если бы к тебе этот хер из ЦРУ пришел, то ты бы предал Родину, чтобы не сидеть? Ты – морпех или не морпех?

– Вот поэтому, балда, у меня и черно-белая «Nokia»! – Кирюша достал из кармана старый «кирпич» и продемонстрировал брату, – И зарядку еще неделю держит!

– Что ты мне лепишь? Какие ЦРУ? Какие убийства? Ничего не докажут! Тут вон половина леса таких, как этот хлыщ! И вообще у дочки шефовской тоже «iPhone 6». Ты просто от мира отстал!

– А у шефа вообще телефона нет! Он тоже отстал?

– А кому ему звонить? Ему ж только надо сказать и все сразу сами на поклон идут... И мобилу нарисуют, если надо!

– Дурак, ты – Олег! Это чтоб никто его не прослушал и на уголовку за разговоры не натянул.

– Спасибо, умник! Разъяснил бестолковому брату! Мне тебе в ноги поклониться? Копай давай! И вообще, где Матюха? Хрен ли мы тут с тобой лопатами машем, а он вокруг хозяйской Ксюхи круги наворачивает.

– У них вообще-то любовь!

– А мне какое дело до его любви? Пусть сначала поможет этого ханыгу прикопать, а потом едет на четыре стороны... Хоть к блядам, хоть к мандям!

– А ты, брат, поосторожнее с выражениями, Ксюха ж все-таки хозяйская дочка... Услышит если кто, под крест нас подведешь!

– Это Матюха нас под крест подведет! Все! Перекур! – Олежа воткнул лопату в землю.

– Бычки с собой, помнишь?

– Я вчерашний, шоль? Помню, конечно! Так вот, Матюха на кой с дочкой хозяйской шашни закрутил? Он же если узнает, то глаз на жопу натянет... И ему, и нам с тобой!

– Дурак, ты – Олег! Может, план у него такой войти в семью и стать важным, а не как сейчас.

– А сейчас мы, хочешь сказать, не важные? Нас весь город знает... Боятся и уважают!

– Да, кто тебя знает? Шпана местная?

– А чего мало?

– А у Окаёма вон связи и в мэрии, и в ментовке, и в конторе, да вообще везде... Вот его все знают, все боятся и уважают.

– Ага-ага, Матюха если хозяйскую дочку пердолит, то вот сейчас шеф прям возьмет и замом его своим сделает... Бежит и падает! – Олежа взял лопату и спрыгнул в могилу, – Смотри как бы нам вот такую яму не выкопали.

– Много копать придется! – расхохотался Кирюша.

– Они-то поумнее будут, нас заставят копать, а потом тут же и пристрелят! Вряд-ли нас в бочке топить шеф будет. Слушай, и так сойдет... Давай этого консервировать!

– Чего это консервировать? Консервы не портятся, а он тут сгниет, как миленький.

– Да, хоть как назови, я больше в глине ковыряться не буду.

Братья скинули тело Вострика и закопали, затем замаскировали аккуратно снятым мохом, что лежал рядом и ожидал своей участи. Олежа и Кирюша делали сие не впервые, потому техпроцесс налажен. В этом леске уже целое кладбище организовалось. Столько тел предано земле по воле Болта. Не сосчитать! Времена нынче в стране были спокойные. Лихие девяностые в далеком прошлом, поэтому на улице уже никого не расстреливали. По обычаю своему, несогласных с мнением Аркадия Матвеевича привозили в автосервис, где

тот вменял им свою волю. Правда, чаще всего она становилась для бедолаг последней. Да и бедолаг ли они? Упыри в основном, да вурдалаки. Птиц высокого полета же на водные процедуры не приглашали, ибо резонанс в городе ни к чему. Для таких в организации Болта имелись специально обученные люди, которые могли симитировать и бытовое отравление, и суицид на фоне неразделенной любви, и многое другое, что отводило взоры от заказчика смерти.

К великому счастью аккумулятор старенькой «двенахи» не сел, однако ж двигатель, немного потарахтев, издал громоподобный грохот, что ознаменовал его кончину. Попытки реанимации железного коня прошли безуспешно.

– Нет, ну тут тачку оставлять не надо! – подвел итог Кирюша.

– И чего делать? Толкать ее по грунтовке?

– Вариантов нет. Не надо, чтоб тут кто-то ошивался... Еще этого найдут... А ему пока рано! Пусть полежит годик, другой... А потом уж находится!

– Метров пятьсот и хватит! А там сожжем!

– Да, чего ее толкать, это ж ведро с болтами, мы ее и на километр отволокем. Ты – морпех или не морпех?

– Морпех!

– Ну вот и впрягайся!

– А жечь мы ее чем будем?

– Шланг в багажнике найди, вроде был.

– И дальше че?

– Ну и протяни бензу!

– Ты сейчас мне предлагаешься сунуть шланг в рот и соснуть? Кирюх, ты че, охерел? Сам вот соси!

– Я не буду! Это не по-пацански!

– Ну, точно охерел!

– Ладно, поволокли! Там бросим, а пацаны местные уже завтра все раздербанят! Лопаты только надо забрать, чтоб вопросов не было! – Вдали появился свет от фар, – Блять, машина! Рассос!

Братья ломанули в разные стороны от дороги. Как brave морпехи, вооруженные плетками, они затаились в засаде.

Подъехал «уазик», из него вылез Матюша.

– Эй, бродяги! Вы где?

– Матюха, ты? – раздалось из леса.

– Нет, это не я, Олег! Выходи!

– Раз не ты, то я стреляю!

– Кто собрался стрелять, тот не предупреждает!

– Пиф-паф! – с другой стороны из леса вышел Кирюша.

– А чего ты всегда приезжаешь, когда вся работа сделана? – вышел и возмущенный Олежа, – Опять с хозяйской дочкой шашни крутил, пока родные братья делом заняты.

– Поехали!

– Приехали! – Кирюша от злости пнул свою машину, – Есть трос?

– А если бы я не приехал, что бы вы делали?

– Оттолкали бы отсюда и бросили шпане на радость.

– Или ментам, дебилы! Надо было сжечь!

– Сам соси шланг! – хором ответили Олежа и Кирюша.

– Ну точно, дебилы! А я вам канистру в багажнике на кой положил?

– Так там же этот... Вострик ехал. А тут темно! – пытался оправдаться Олежа.

– Вострик ехал! – Матюша достал из «уазика» трос и бросил его на землю, – Цепляйте!

– А чего это ты братьям родным, как псам шелудивым кидаешь? Че ты думаешь, что если хозяйскую дочку пердолишь, то тебе все можно?

– Олег, никого я уже не трахаю! Можешь успокоиться! Расстались мы!

– И че ты теперь на место Окаёма не прыгнешь?

– Блять, смотри еще кому об этом не скажи, а то ж засмеют дурака!

– Пошел ты!

«Двенашку» вояжировали на заброшенную свалку за городом, где предали огню. В Белосветске уже светало, а посему ночь сдавалась во власть к новому дню.

Глава 2 – 3 июля 2015 года

День. Белосветск. Район «Восьмуха»

Во дворе спального квартала меж разваливающихся «хрущевок» неспешно развивалась захолустная жизнь. Дети играли в догонялки. Молодые дамы с колясками прогуливались по двору. Палеолитные бабки протирали своими телесами лавочки под бурный галдеж обсуждения сериала «Влюбленные женщины». Из окна чьей-то квартиры на всю улицу орал «Король и шут». А под березкой на столах, вросших в землю, бухала местная богема, необремененная ничем, кроме топления души в дешевой водке.

Возглавлял сию компанию причудливый поэт Шурик Герасин, облаченный в традиционный наряд в соответствии с духом времени: треники с обвисшими коленками, растянутая грязная майка-алкоголичка, шоферская кепка и очки-американки. Сегодня он пребывал в ударе, отчего храбро сошел до низости и, нарушив все правила приличия, запрыгнул прямо на стол на потеху ликующей толпы и к негодованию бабок у подъезда, коих эти калечащие душу события не могли оставить без внимания. Поэт послал им воздушный поцелуй, но те оказались слишком высокомерны, чтобы принять поражение – раскудахтались, куда серьезнее, вываливая на человека культуры выстоявшиеся ругательства. Сцена для сего двора совсем не новая, ибо иерархия мыслей Шурика

всегда выстраивалась против веяния масс, отчего бывал не понят, но, совершенно не смущаясь, продолжал гнуть свою линию в надежде исправить моральную деградацию честолюбивых безумцев. В битве своей он проигрывал: один раз сидел, никто не знал по какой причине, дважды отдыхал в психушке.

Поэт внимательно оглядел компаньонов, улыбнулся во весь неполный зубной состав, лупанул стакан до дна, развел руки в стороны и взмолился:

*Я не старался склеить разбитый стакан,
Ибо вкус воды в нем мне слишком отвратен.*

*Старательно я его выливал,
И наливал вполовину превратно.*

Плевать теперь!

*Плевать с плеча на планы
Под вопли плачущей толпы!*

Плевать на племя плотских ядов!

Плевать через щербинку иль с губы!

Ведь на могильном мраморе напишут:

«Мы помним... Любим за таланты...

И скорбим!»

Потом шута забудут.

Разойдутся демонстранты

По команде.

Уже не похулиганить с братиками.

Пенсия, знаете ли...

Хватит!

Отныне в памяти пятно.

На сотню лет. Хоть слитно, хоть раздельно.

Стихи и проза – все на дно,

Где тьма во власти, свету нету места.

А был в ходу...

Теперь забыт. Естественно.

Я умер к тридцати.

Ментально.

Мозгом.

По миру все еще бродил.

Брожу.

Да только поздно...

Жить, не живу, дожидаясь почтенного возраста

Ради издевок над фазами отрицательного роста.

Жадно хватаюсь ноздрями за воздух

И жалуюсь!

Жалуюсь грозно.

Ни строчки не пишется! Только сноски

Буквами мелкими

На радость павлинам кидаюсь перьями,

А раньше писал сатиру. Теперь сам сатира!

Да, сдался! Да, сдуру!

*Даст бог,
С ног в итог под биток старичок
В последний раз по культуре в рывок,
Взяв курс на тур по ауре хмурной.
В натуре...
В натуре и явно.
С канвой под конвой, инверсируя карты.
Тряхнем стариной и в покой.
Дальше ищите меня под могильной плитой.
До свидания!*

– Браво! – ликовала толпа забулдыг, стучащая стеклотарой друг о друга.

– Господа, позвольте сбросить пудовые цепи с хрупкой души и избавиться от художественной скупости! Творцу необходимо вдохновение! – Шурик снял кепку и обозначил желание организовать сбор средств для нуждающихся. Богема неохотно жертвовала средства. Пить любят все, а вот платить – никто... Такова философия сложности питания, – Господа! Соперники времени! Неподкупные свидетели смены эпох! Когда-нибудь о нас будут слагать легенды. Время бежит слишком стремительно. Кто поспевает, тот на коне... Остальные на обочине жизни. Глупцы, бунтуя, веруют в победу, но им ее не видать... Никогда. Участь призраков – обрести покой в вечности, а не пытаться вернуться на грешную землю. Собственность наша духовная... Зачем вам эти грязные бумажки? Отсюда все ваши страхи! Не злоупотреб-

ляйте моим доверием! – Шурик буквально выдирает из собутельников последние гроши, – Господа! Империи предаются, империи терпят крах. Ничто не вечно! Время монет ушло! Мы мечтаем о тех мирах, которые не можем построить. Они слишком беспомощны, они оплакивают утраченное достоинство... А ну теперь вроде хватает! – Поэт подвел итог ре-визии накопившихся в кепке средств, – Господа! Соперники времени! Неподкупные свидетели смены эпох! Не расходимся, ибо..., – на том моменте он позволил себе удариться в воспоминания.

– Слышь, философ, заебал! Пиздуй за водкой! – вывел того из ступора один из желающих продолжить кутеж.

– Ибо? Что же я хотел этим сказать? Ибо? Какое странное, но емкое слово! – полный размышлений Шурик отправился за добавкой. К его великому счастью далеко идти не пришлось, ибо прямо во дворе по обычаю своему стояла вишневая «копейка», принадлежащая местному бутлегеру Жеке Маркину, который уже во всю приторговывал.

Он являлся типичным представителем «детей перемен», рожденных в девяностые и выросших на несладких лейт-мотивах, пронизывающих время. Каким именно обязательствам им стоило служить, они не знали, потому служили всем, искренне веря в неизвестную цель. Не жертвы происходящего, а соучастники... Зараженные соучастники, передающие вирус повального уныния и хтони. Внутри Маркина закипала ярость, вызванная неуместностью присутствия в

слоях социума, заставляющем бегать с горящей жопой весьма самолюбивый нрав. Тонкие наблюдения неожиданно резко били по вниманию разума, вынужденному начать думать, где он находится и как существует в почтительном поклонении.

Белосветск строился на страданиях, на страданиях и существовал. Страх их всегда на страже, отчего раны продолжают кровоточить. Жалкие безвольные рабы, неспособные даже на бунт обреченных, терпели одно оглушительное поражение за другим, так и не поднявшись с дивана. Чистое полоумие без любезности, но с долгом, совершенно не зависящим от социальных норм, правил и хоть какого-то приличия. Люди дошли до стадии укорененной бедности, потому-то городские фонтаны сиротливо существовали без монет. Голытьба не в восторге от подобных даров. Ей некуда возвращаться. Ей нечего есть. Отчаяние обрело запредельный уровень, человек радовался уже тому, что сверху не вылили ушат говна под торжественный напев со вселенским размахом. Планка восприятия падала, падала... Падала до дна... Стала дном... Но и это не становилось для них сигналом бедствия. Кто вообще считается с такими глупостями, когда туман рассеивается? Мул будет тащить повозку, пока не сдохнет, такова его судьба мычать до последнего вздоха: «Где предел страдания? Куда уж хуже то? Теперь-то поперет, но помнить надо, как было печально тогда. Сейчас все хорошо и главное, чтоб те времена не вернулись!» Прошлые об-

рело бессмертие, убивало настоящее и пугало будущее. Всех, кто возмущался, ставили к стенке и клеймили позором, мол, всю жизнь искать истину – идиотизм, идеалистов истребляют искомым. Если и этого мало, били ногами, ведь буква бьет дух.

Виной всему вакуум, что защищал город от жизни под воздействием чего-то, имеющего хоть какую-то значительность. Лишь отголоски большого тщеславием мира доносились до забытого края. Так и жили, прислушиваясь к ящику, выдающему упрощенные формулы сторонних высот, где сладостен лишь миг узнавания и причастности к блестящим иллюзиям в виде полуголых прошмандовок из клипов, да расфуфыренных мажоров, освобожденных от суетливой нервозности и мелочей. Чистое усилие грязного пальца, направленного на красную кнопку, переключало внимание назад к охране покоя, ибо все это показное дерьмо не перебивало хтонические реалии, широко представляемые улицами меж блеклых бетонных коробок. Вот она стабильность! Вот оно богатство! Такие времена! Надо еще чуть-чуть затянуть пояса и потерпеть... Потом станет лучше... Сильно потом!

Когда Жека осознал это, тут-то детство его и закончилось. Он ощутил себя неукротимым зверем, рожденным в клетке, что сохраняет природную дикость и волю. Девяностые и двухтысячные прошли в безмятежной юности, а вот десятые начали ебать... Ебать неистово и без прелюдий!

Жизнь заставила Маркина рано понять, что люди, име-

ющие в своем арсенале нахальство, порядок восприятия и злобу, идут далеко... Финал их обречен, но путь тот полон грешимых красок бытия, тем и увлечены эти бесславные... Страшил его тот путь? Еще как... Но выбора иного не находилось. Жить, как все, отрицая действительность и безвкусно преувеличивая явь? Мол, у сказок всегда счастливый конец и хоть какая-то мораль? Полниться страданиями и представлять миру лишь короткую рубленую фразу: «Все нормально!» – когда совсем не нормально? Реальность пугает... Иногда бьет по морде со всего размаха и пугает еще больше. Лучше уж попытаться, чем ожидать вторую дату в личной хронологии. Жека решил рискнуть и стать хозяином своих желаний, отчего и завертелся, как мог, чтобы есть красную икорку не только на Новый год. Выбор пал на торговлю пороками. Нельзя просто взять и выключить боль, ее можно заменить чем-то... Но чем? Ясно ж чем... Водкой.

Магазины, конечно, зазывали красочными вывесками, акциями и бонусами, но откуда ж денег взять люду бедствующему, чтоб окунуться в чары Диониса. Где дешевле, там и берут, а уж качество – дело третье. Блистательная обреченность круто замешанного житейского теста давала возможность навариться на страдающих душах таким делягам, как Маркин. Бизнес сей организовывался на раз. Много ума не требовалось: едешь на спиртзавод в пригород, таришь там горячки, лепишь этикетки и все. Полный багажник топлива. Только меняй на золотишко у жаждущих.

– Здорова, Жека! – Шурик протянул бутлегеру кепку с мятыми бумажками и мелочью.

– Видались уже!

– М-м-м-м, «Адидас»? Стиль! – поэт изобразил подлинные эмоции, оценивая внешний вид бутлегера.

– Шарю! – Маркин забрал деньги у покупателя, – На все?

– Как обычно!

Маркин достал с заднего сидения небольшую картонную коробку, куда отправил пересчитанные бумажки с монетами, а затем открыл багажник, чтобы выделить жаждущим три бутылки водки.

– А если учесть перехлест былых заслуг?

– Че?

– Может, еще бутылочку накинешь постоянному клиенту?

– No money, no honey!

– Чего?

– Вали, говорю!

– Ну и молодежь пошла! Никакого уважения к старшим!

Связь времен нарушается. Преемственность где? Кто принесет стакан воды перед смертью? Этому поколению на все срать, кроме себя. Кинут, только шурься!

– Я тебе сейчас въебу вообще, если не потеряешься! – пылко резанул бутлегер.

– Ладно-ладно, каратист, не кипятись! Найдем мы тебе средства! Литература всегда побеждает деньги.

– Вот тогда и поговорим!

Шурик недолго расстраивался. Компаньоны встретили его радостным улюлюканием, а Жека продолжил торговлю. Днем все двигалось не так, как хотелось бы... Весь чес начинался ближе к вечеру, когда рабочий люд направлялся по своим норам, чтобы упасть перед ящиком и давить алкашку, регистрируя симптомы после тяжелого трудового будня.

Забегал только психопат Алёшка, женившийся на шмаре Алёнке, которую весь район перепахал. Пытался барышню перевоспитать, но что поделаешь, если сейф ее ненадежен, а с ним она не кончала пьяная... Не кончала с похмелья... Не кончала на нервах... В полнолуние... В третьей фазе... В день равноденствия... При параде планет... При открытом окне... При коте... Когда кровать скрипит... Когда соседи в стену долбят... Никогда, в общем! Женщины думают, что знают мужчин. Мужчины знают, что не знают ни себя, ни женщин. Алёшка бил. Алёшка пил. Снова любил. И так по кругу. Когда-нибудь Алёнка всадит ему нож в спину. По рукоятку. Взял Алёшка литр текилы за четыре сотки.

– Не многовато?

– Да, брось ты! Не осилю, шоль? Я ж тот еще мексиканец, – покупатель изящно скривил физиономию.

– Закончится если, ты знаешь, как меня найти!

– Знаю-знаю! Бывай!

– Похоже, опять Алёнку пиздить будет сегодня, – подумал Жека, – а ведь прибудет когда-нибудь. Да в принципе плевать, твое это дело? Не твое! Твое дело вон тебе мозг выносит ста-

бильно. Сколько уже ты с ней? До хера! Со школы. Все кричат: «Да, женись на Дашке, женись! Вы такая красивая пара! Так смотрите хорошо!» – а ты все не женишься. Может, вариант получше подвернется?

Мимо проходил дембель-десантник, пытающийся вызвать устрашающий эффект. Весь в аксельбантах и медалях. Пах коньяком.

– Да ладно! – удивился Маркин, узнав парнягу с соседнего дома, и крикнул, – Валерон, ты, шоль?

– Я, шоль! – обернулся дембель, – Здорова, Марк!

Пацаны крепко пожали друг другу руки.

– Крепости набрался?

– ВДВ.

– Недурно!

– Да и ты!

– Черный пояс.

– Недурно!

– Никак домой вернулся?

– А то!

– Красава!

– А ты все тут стоишь?

– Бизнес как-никак...

– Мир меняется, а ты все алкашкой банчишь?

– Мотив рожден стремлением к финалу, к цели, и для достижения этой цели необходим путь.

– Хуясе ты залечил! – заржал десантник.

– Стыдно не знать мастера!

– Какого мастера?

– Мастера Брюса Ли.

– А я думал, он только дрался хорошо, а, оказывается, еще и языком чесал.

– Думал он. Истина лежит за пределами всех фиксированных шаблонов. Братъ будешь чего?

– А чего есть?

– Всякого навалом, – Жека благожелательно открыл багажник «копейки», – Коньяк есть. Наш.

– Да, не спасибо!

– Еще дагестанский – в бутылках, питерский – в канистрах.

– Белых?

– Ага. Вишневый и шоколадный. Есть еще текила.

– А водка?

– И водка есть. Со смородиной. С вишней.

– Это для баб все! Обычная есть?

– Конечно.

– Почему?

– По сотке за штырь!

– Давай четыре!

– Пакет надо?

– Давай.

– погоди! – Маркин резко прикрыл багажник и демонстративно закурил.

– Ты чего?

– Вон чего! – из подъезда соседнего дома вышел крепкий мужик лет тридцати пяти в отглаженном сером костюмчике, – Контора бдит!

– Так это ж Смирный! Сосед мой! – улыбнулся Валерон.

– Это тебе он сосед, а мне лавочку прикроет за незаконную торговлю, да навесит еще пару уголовков. Ты что не знаешь, как это у них происходит?

– Чувак, ты «Дежурную часть» больше не смотри.

– Помнишь, Клима с первого подъезда? Шел с работы, никого не трогал... А его под белы ручки мордой в капот. Добрый вечер! Понятые, внимание! Там у него на кармане весу нашли, как будто он Тони Монтана. Дали двенашку, а у него сын растет! Думает, что папка его – наркобарон! Какой он на хер наркобарон? Ты ж его знаешь!

– Подкинули?

– А ты думаешь, что пока тебя не было, Клим в Хайзенберги подался? Бухал всю жизнь, а тут раз и все... Сменил философию бытия!

– Ну всякое бывает!

– Всякое, да не всякое! Его еще и на СИЗО знатно отоварили, постанова ж есть от Болта, мол, в городе без движовых дел.

– Так ему ж подкинули!

– А то вот кто-то там прям разбираться будет. Когда ум привязан к центру, он, естественно, не свободен. Он может

двигаться только в границах, заданных этим центром.

– Не понял!

– Пока в верхах меряются длиной членов, в низах кто-то погибает, понял?

– Тоже Брюс Ли?

– Нет, это уже я сам придумал, чисто понтануться!

– Понтанулся?

– Ну да!

– Что ты высаживаешь? Я Смирного сто лет знаю, батя мой с его батей бухал постоянно, пока тот не помер. Сеструху его знаю, хахаля ее, девчушка у них. Приличная семья. Да, Смирный – конторский, но он свой... Поможет, если надо будет... По-соседски! Я его уважаю! Да и не прикроет он тебе никакую лавочку. Ты ж людей не травишь. Нужен ты ему больно. Он – честный опер. По справедливости чисто работает.

– Ага, по какой? Будто ты не знаешь, у кого они все на коротком поводке... Эти твои честные опера. Думаешь, за год тут что-то поменялось? А ни хера... Посмотри вокруг. Половина двора с утра идет на работу, а вечером – в салат. Я работал на заводе, я знаю, потому видел уставших людей. Они даже не просто уставшие, они затраханые. Их затрахал день сурка. Масштаб давно набирает обороты, отчего выть хочется на луну. Им... От тяжелой судьбы. Потому и пьют все, что горит. Огонь на время выжигает усталость. Вот и живут в надежде встретить вечер... И чтоб не рисоваться. А

то придут вот такие честные опера, или еще честнее ворье, да усреднят. Люди ненавидят тех, у кого что-то лучше. Равенство – наше все. А всех, кто хоть чем-то выделяется, надо раскулачить. Без разбору. И поставить в один ряд с обездоленными. Равенство должно быть бедным, уродливым и глупым!

– И поэтому ты решил уволиться с «Прицепного» и продавать затраханному народу алкашку?

– Ты либо бери, либо пиздуй отседа, осуждальщик херов! Не буди во мне зверя!

– Беру!

– Ну и прекрасно! – В двери машины Жека нашел старый пакет, открыл багажник и погрузил стеклотару покупателю.

– Сдачи не надо! – Валерон протянул фиолетовую бумажку.

– Ну не надо, так не надо, – Маркин сменил тон на более дружелюбный, – мы, бутлегеры, народ не гордый, когда так... Ежели по-другому как, то в штыки, а коль по-людски, и мы по-людски.

– Я заметил!

Дембель ушел. Жека развалился на сидении автомобиля. Сидит. Курит. Слушает подъездный рэпчик о том, как пацанам из Березовского весело живется на этом свете. На улице ни души. Лето ж. Все и рассосались. Кто куда. Раз торговля сошла на «нет», Маркин решил покинуть рыбное место, отчего отскочил к недавно открытому торговому центру под

названием «Метро». Гордость «Восьмухи». Аж сам мэр на полном фарше приезжал ленточку перерезать, еще с тележкой походил для фотографий и свалил в закат.

Он вцепил вареного кофейца и уселся на капоте. Прибалдел. А мимо идет она, звезда пленительного счастья. Лет двадцать. Стройная-стройная. Попка – персик, вместо грудей две планеты. Блондинка. Голубые глаза. По красоте светом брызжет.

– Мама, я влюбился! – подумал очаровавшийся поц, испытав то щемящее чувство, что приходит к юнцам, впервые открывшим дофаминовый взрыв в организме, – Здравсти, мадам! – Любой пацан в женском обществе становился гениально остроумным. Им так казалось, по крайней мере.

Девушка красная оценивающе посмотрела на источник звука, а Жека прям павлин рисованный. Весь на классике. Синий «Адик» при белых полосках. Не мужик, а мечта! А та идет дальше, вообще ноль эмоций, минус любви. В Маркина вселился сексуальный подонок, он догнал дамочку и схватил за руку. Ей не понравилось, начала вырываться.

– Попутал, шоль? – дерзанула краса, выдрав руку из крепких оков.

– Я, может, влюбился и боюсь потерять свое пленительное счастье! – кавалер знал, что вызывающий пассаж, приправленный непроверенной цитатой кого-то из великих, сродни мысленному взрыву, от которого пала не одна женская честь. Они любили ушами, чем лъстецы пользовались сполна во все

времена. А чем он хуже-то?

– Тебе чего от меня надо, пленительное счастье?

– Каждый странник, блуждающий по свету от колыбели до могилы, ищет что-то свое. Близкое сердцу. Душе.

– Чего?

– Чего-чего? Прокатить хочу прекрасную даму на карете.

– Это ведро, шоль, карета? – девчушка звонко рассмеялась, – Ну конечно! Бегу и спотыкаюсь. Где я и где это?

– Это рабочая, так-то у меня «бэха» есть, – соврал Жека. У него-то «бэхи» и отродясь не имелось, а вот у близкого мажора подходящая телега в наличии. Не новая, двухтысячный год, но уже что-то, на такой хоть к королеве Англии подкатить реально.

– А не боишься?

– Тебя?

– Ты знаешь, кто мой папа?

– А тебе мамка не сказала, шоль?

– Дерзкий?

– Не то, что бы...

– И каковы амбиции у кавалера?

– На уровне!

– Шаурмы?

– Че й то? Могу замутить хоть ужин в баре на пару.

– Подводка под водку?

– Изумительный ход мыслей.

– В какой бар-то? В «Прохладу», шоль?

– Могу и в «Прохладу», какие проблемы?

– Какая пошлая мораль! Сам туда иди! Приличные девочки по «Прохладам» не ходят, и водку с незнакомцами не пьют.

Тут она чертовски права. «Прохлада» – это тот еще блядюжник, гармонично сочетающий в себе традиции хороших баталий, где и в репу получить, как два пальца обоссать, или дать по ней. Маркин стабильно захаживал туда. Какой бравый гусар не любит выпить и подраться?

Девчушка показалась Жеке достойным соперником. Не шлюхой, которой с легкостью можно вдуть. Таких как она сначала выгуливают, а уж потом танцуют. Есть в Белосветске местечки и посерьезнее, с провинциальной роскошью, ресторан «Весна», например, или клуб, что «Мегаполисом» кличут. Там попримечнее, но дороговато для юного Аль Капоне, однако ж туман грез заставил его идти в атаку, обнажив затхлое самодовольство.

– Могу хоть в «Мегаполис» королеву выгулять.

– Барсика своего выгуляешь, понял? – добродушно, но грубо парировала собеседница.

– П-ф-ф-ф, не урчи, малая. Вечером в девять заеду за тобой, куда скажешь.

– Гастелло, 8.

– В «Долине нищих», шоль?

– Испугался?

– Я? Да я вообще никого не боюсь.

– Все крутые пацанчики в итоге оказываются под каблучком.

– П-ф-ф-ф-ф!

– Ну-ну. До девяти, смельчак.

– Тебя как звать-то, королева?

– Ксения.

– Я меня, Марк! Пацаны так зовут, а так-то Жекой можешь звать или любовью всей своей жизни.

– Пока-пока, Жека-Марк или любовь всей моей жизни! – она эротично помахала рукой. Так по крайней мере показалось герою-любовнику. Ксюха зафиналила акт сего действия представлением таинственной подробности своей натуры в виде легковальсирующей знойной задницы, и скрылась за кустами сирени.

– Вот это да, какая очаровательная душой женщина... И не только душой! – подумал Маркин, – Главное, чтобы Дашка не узнала про твои тайные свидания. Ну привет, двойная жизнь, полная вранья. Один неверный шаг и все развалится, точнее будут тебе и похотливые желания, и ядерная война...

День. Белосветск. «Долина нищих».

– Брат, ну как ты меня не понимаешь? Я почти люблю ее.

– Я тебе уже в десятый раз спрашиваю, причем тут моя «бэха»?

– А я в десятый раз тебе отвечу, что зачетную телочку надо выкатывать на зачетной тачечке, вот и прошу братское

сердце. Таких, как она, может, раз в жизни встречаются. Ты хочешь лишить меня такого шанса?

– Ладно, уговорил!

– А говорят, что мордва жадная... Врут!

– Помоешь!

– Само собой... И пропылесосу! Как ж королеву-то в грязной карете вести?

– И заправишь!

– На пятьсот!

– До полного!

– Какой же ты все же жадный, Сашок! Ты не Кулёмин, ты – Выжигин!

– Либо до полного, либо езжай на своей «копейке».

– Без ножа режешь, братишка! Ладно, но ты мне еще поможешь!

– Это уже за отдельную плату!

– Вот если бы ты мне не нужен был, я бы тебе прямо сейчас по роже дал. Тебя когда-нибудь пиздили пачкой сахара? Нет? А это больно!

– Но нужен же? – расплылся в улыбке Кулёк, прошедший районную школу аморальности и лицемерия, – Жми на болевые точки и любой человек пойдет на уступки!

– Я тебе сейчас нажму, охереешь!

– Но-но-но, каратист, держи свои пояса подальше от меня, а то ж тебе надо рисануться перед бабой, да? Чего ты там удумал?

– У меня есть план! Ты пойдешь со мной в «Мегаполис».

– За вход ты платишь!

– Хорошо! – Жека так глубинно мотивировался на сию иллюзию успеха, что готов был уже подписаться на что угодно.

– И на пару коктейлей!

– Я тебе даже не сказал, что делать...

– Ясное ж дело что... Приставать к твоей барышне. Чай, не глуподырый!

– Да-да, а я весь такой герой-любовник типа позову вас на улицу выйти.

– Кого это вас?

– Володя еще идет.

– Какой? Наш, шоль? Гора?

– Ага.

– И ты типа нас двоих уработаешь?

– Ну не уработаю, так потолкаемся, ну припишем друг другу... А потом вы дернете оттуда!

– С Горой, да? С Володей? – Кулёк выдержал ироничную паузу. – Убежим?

– Ну да!

– Я, конечно, понимаю, ты у нас крутой малый, черный пояс, все дела, но план у тебя говно, конечно!

– Другого нет!

– Но за бутылку коньяка готов поучаствовать в этом беспонтовом спектакле. Чего не сделаешь ради друга?

– Возьми любую с товара нашего.

– Не-е-е-ет, так не пойдет! Внутри «Мегаполиса». И представление не начнется, пока я ее не выпью. А там у тебя будет типа преимущество, мол, я пьян.

– Слышь, слон таежный, я тебя и трезвого одной левой размотаю. Ставки он тут повышает! Охерел, шоль, совсем?

– А Володю?

– А Володя не так притязателен к оплате. Мы с ним так-то выросли вместе, осваивали горшки в садике и в школе рисовали на последних партах. С ним я договорился дешевле, чем с тобой, за бутылку нашего коньяка. Он даже за вход за себя заплатит.

– Ну тупенький слегка, что уж тут поделать.

– Зато его душевная простота всем нравится, а ты вот кукусишься.

– Слов в сценарии ему не давай, пусть молчит. Еще ляпнет чего не то, а он может, – Сашок изобразил басовитый говор Володи, – Я хуюю с тебя Рая, дом сгорел, а ты живая! – затем расхохотался, – И все, пиши пропало, весь твой план крахом. Беседы надо поручить его хитрейшеству и наглешейству.

– Тебе, шоль? – улыбнулся Жека.

– Ну, а кому ж еще-то?

– Если б ты меня не ободрал, как липку, то я, может, и порадовался бы за тебя, но так больше осадку.

– Сходи тогда к Костику, он тебе свой «пирожок» даст. Он как раз уже, поди со смены приехал. Твоя дама сердца

поведется на свежий запах хлеба... А потом к Пахе в гараж веди... А нет, его ж жена выгнала из дому, он там теперь навсегда осел.

– Слышь, рожа буржуйская, ты не наглей давай, а то выкину тебя из нашего алкобизнеса.

– Да, я с вами только из личного интереса. Чего ты думаешь, мне бабки нужны?

– Всем нужны!

– Ну не те копейки, что твое предприятие зарабатывает.

– Ты давай берега не путай!

– А то что?

– А то выйдешь с утра, а ласточка твоя на пеньках стоит.

Напомню, с чего мы начинали.

– Э-э-э-э!

– Вот и не экай тут! В девять я ее забирать еду с Гастелло, тут недалеко. В восемь ты там!

– А что так рано? Кто вообще в «Мегаполис» к восьми ходит? Школьницы? Надо к двенадцати, чтоб туц-туц-туц.

– Не волтожиться идешь, а другу помогать. Выжрешь свой коньяк, по роже получишь и домой спать!

– Ты охренел? Как это по роже?

– Имитировано!

– А если нормально ляжет?

– Я тебе и так сполна компенсировал.

– Еще нет! – Кулёк показал жест отымания денег.

– Держи! – Жека достал из кармана лопатник, отмусолил

товарищу оговоренную сумму и забрал ключи от «бэхи», – В десять начало спектакля! Ладно, погнал я марафетиться!

– Полный бак не забудь.

– Ага.

– Жека и это, – Сашок крикнул уже запрыгивающему в машину товарищу, – Приоденься там прилично, а то опять, поди, в костюме с выпускного пойдешь!

– Мне его вообще-то порвали, когда твою наглую рожу от кулака спасал, так что завали-ка ты.

– Ладно, молчу-молчу!

«Бэха» с буксами сорвалась с места.

Вечер. Белосветск. Ночной клуб «Мегаполис».

Кулёк слегка опоздал к назначенному времени, отчего на-шел Володю у барной стойки, потягивающего пенное.

– Здорова, Гора!

– Здорова! А ты что, на цыганскую свадьбу собрался?

– В смысле?

– Что это за рубаха с цветами? – Володя показал трезвый критический взгляд, развеяв романтический культ товарища, – Еще и до пуза расстегнулся, рыжем светишь, смотри-ка отоварят и трос вместе с башкой снимут.

– Не снимут! Ты ж со мной! А кто будет на такую махину залупаться? – парировал Сашок и по-свойски потрепал товарища за его здоровенное плечо.

– Мы тут как бы по делу!

– А как же? Два коньяка! – пытаюсь переорать долбящую музыку, Кулёк обозначил бармену свое стремление к алкогольным возлияниям.

«Ночной клуб «Мегаполис» – страна чудес и ярких красок», – так гласил плакат на входе, но всем, кто попадал сюда, хотелось добавить: «На фоне унылой серой жизни Белосветска». На самом же деле это клуб как клуб: абсолютно чужое и непонятное архитектурное убожество снаружи, внутри – огни, липкий пол от пролитых напитков, в воздухе едкая смесь духов, сигаретного дыма, бухла и пота, неистово орущих музон и девицы в трусах на сцене, коих трогать нельзя, ибо сразу займешь дело с беспредельной охраной, что на входе бесцеремонно кошмарит гостей. С последними шутки плохи, вышвырнут, только щурься. Остается половозрелым юнцам лишь смотреть, да трахать глазами. Такой вот аттракцион самоотравления. На танцполе же контингент попроще – типичные представительницы пединститута и медколледжа, живущие в общежитии, в которую обратно до рассвета уже и не пускают, а первая электричка в родовую деревню лишь в шесть утра, потому решение со своими скромными пожитками предаться ночи кажется вполне логичным. Мосты сожжены позади, а впереди вся жизнь. За вход заплати, а там, глядишь, и угостят. По счету и оплата. Кому улыбка, а кому с продолжением... Как карта ляжет. Всяких хватает. Одни снимаются, другие – снимают. Гусары здесь тоже третьего пошиба, жухлые обсосы, галантностью бедны, без

целостности душевного движения, зато бьют крепко, обнажая доминирующие черты. Правда, недолго. Бою быть, но за пределами «Мегаполиса». Охрана толпой молотит и правых, и левых, и всех – на выход. А уходить на такой грустной ноте кому ж охота? Вот все и стараются вести себя прилично, насколько сие позволяют горящий огонь внутри и чешущиеся органы. Хорошо, если это только кулаки. А то ж постпубертатные подростки, не нашедшие любви, заводятся с полоборота. Социальный коктейль намешивается водкой с пивом, да еще десятком разных напалмовых смесей. Осторожно, взрывоопасно! Смешивать, но не взбалтывать!

– Володя, держи! – Сашок протянул рюмку с коньяком товарищу.

– Да не, я ж по делу тут!

– Я тебя умоляю! Бухать в пятницу стало народной традицией. Ее соблюдают с особым рвением. В субботу похмеляются. Хорошо похмеляются. Воскресенье посвящено игре в Ленина. Печени такие традиции не по душе, а душе – по печени... Давай-давай! Да и твоей туше эти капли – смех! Ты ж когда с нами пьешь, тебе надо сначала стакан лупануть, а то и два, чтоб со всеми наравне быть!

– Лады!

Пацаны выпили и Кулёк заказал еще.

– Хорошо быть мажором, а не барахтаться в болоте! – вздохнул Володя.

– Хорошо – уметь договариваться!

– В смысле?

– В коромысле! Ты сюда и за вход сам заплатит, и за пиво свое! А зачем ты здесь?

– Как это зачем? Чтобы Марку помочь! Он – же братишка мой! Мы с ним выросли вместе!

– Вот и пользуется тебя твой братишка, как хочет.

– Слышь, Кулёк, мне не нравятся вот эти разговоры.

– Коньячку? – бармен поставил две рюмки перед пацанам.

– Будем! – Сашок чокнулся о стоящую на стойке вторую рюмку и выпил.

– Мне вот братишка твой и вход оплатил, и на коньячок насыпал.

– Ну так ты ж ему «бэxu» дал.

– За то, что я ему «бэxu» дал, он ее помыл и заправил до полного бака. За одно дело – одна расплата, а за два – две. Сечешь, о чем я?

– Как-то это не по-братски! – пробухтел Володя и вернулся к пиву, которое пало смертью храбрых в пару глотков, – Еще!

– А колотить своих братишек – это по-братски?

– Так это ж для дела! Для любовного дела!

– Ты вот Жеку на раз выстегнешь... Выстегнешь же?

– Не знаю! Он – каратист, у него и пояс черный.

– Володя, епт, а ты – Гора! Чисто массой можешь любого задавить... Ну саданет он тебе пару раз в дыню и что? Это

ж как укус комара для слона!

– Наверно... Мы и не дрались никогда! Оно нам зачем? Жека ж братишка!

– Ты никогда не думал выбраться из его тени?

– В смысле?

– Все вот у тебя в смысле, да в смысле! Какая у тебя цель в жизни?

– Я даже и не знаю.

– Володя, тебе уже двадцать пять лет. Четверть века. В средние века ты бы уже имел пару набегов на варягов за спиной, да стал бы воеводой у князя. А сейчас у тебя все еще нет цели.

– О-о-о-о, в лото миллиард выиграть.

– Не выиграешь!

– Что это? Люди ж выигрывают?

– И где эти люди?

– Их по телеку показывают.

– А потом?

– Не знаю.

– Ваше пиво! – бармен поставил перед Горой пиво и переключил свой взор на Кулька, – Коньячку?

– Неси уж грамм триста, чего мелочиться... И лимончику!

– Это я быстро!

– Так вот, Володя, давай о земных вещах, ты, наверно, от предков съехать хочешь. Да не на съемную хату, а в свою... Чтоб телочек туда водить, ну или с одной жить.

Перед пацанами объявился графин с коньяком и лимончик. Синяя беседа обретала более серьезную форму.

– С одной хочу! И троих детей!

– Во-о-о-от!

– А дети, Володь, это во все времена дорого! Одень, обуь, накорми! Летом на море отвези! Жену ж хочется цветами радовать не только на день рождения, да?

– Ну и на 8 марта...

– Поверь мне, братишка, цветы барышням надо дарить значительно чаще. А тачку ты хочешь?

– Хочу!

– Какую!

– «Мерина» хочу, «ешку».

– Допустим! – Сашок лупанул коньяку, – Кем ты работаешь?

– А то ты не знаешь, да?

– Знаю, грузчиком в мебельном магазине.

– И че? Не все ж мажоры, как ты!

– Ну свезло мне, не спорю! Но это все отговорки! Смотри на свой путь... А твой путь ведет тебя к неврологу.

– Зачем?

– Грыжи межпозвоночные лечить. Хотя... И к нему ты попадешь нескоро... Бесплатная медицина тебя добьет.

– Так мы ж еще с Жекой по алкашке двигаемся! Уж как-нибудь-то кружанимся!

– И много он тебе платит?

– Столько же, сколько и тебе! Всем поровну! Чего ты албанские вопросы задаешь, да по обочинам ходишь, а? Ты по главной вали, не стесняйся!

– Это слишком мало. Долго ты так будешь копить на квартиру и машину, чтоб обзавестись женой и детьми?

– Не знаю!

– А я вот знаю, Володя! Очень и очень долго. Если быть предельно честным, то никогда... Нужно разворачиваться! Сменить, так сказать, вектор развития.

– Чего?

– Клиентская база у нас есть, надо начать торговать чем-то рентабельным.

– Чем? Инструментом? – басовито заржал Гора, – Мы ж с него начинали! Еле в ноль вышли!

– Чем запретнее плод, тем слаще он.

– Колеса тырить больше не буду, это несолидно, и дадут больше, чем вешишь.

– Да, я не о том. Есть у меня знакомый химик, который знает некоторые тайные формулы... А вот сбыта у него нет.

– Никакого дерьма в городе, слышал за такую тему? Знаешь, что Болт с теми, кто банчит, делает?

– Ну и что?

– Всякое говорят. Одного по пакетам расфасовали. И на каждый район по куску. Типа послание!

– Ага, а одному деляге голову лошади в кровать подкинули!

– Серьезно? Не слыхал! – искренне удивился Гора.

– Ты «Крестного отца» не смотрел?

– Оттуда, шоль?

– Оттуда, шоль! – передразнил товарища Кулёк, – Ты видел вообще эти куски? Уверен, что нет! Это все байки для малолеток от старичков, которые все еще мнят себя королями города. А короли ли они? Трон под ними уже давно качается, нужно только скинуть их. Мы им не рабы, не слуги и не крестьяне. И вот для этого, Володя, мне нужен ты и еще пацаны из твоей боксерской секции!

– А Жека?

– А что Жека?

– Жека против этой темы!

– А не плевать, что там думает твой Жека? Ты хочешь то, о чем мечтаешь?

– Ты решил кинуть нас, чтобы стать барыгой? – Володя напрягся.

– Мы и есть барыги, просто я хочу сменить вектор развития своей компании.

– А с чего она твоя? Мы так-то вместе двигаемся! Она общая!

– Да, ладно, успокойся! Я пошутил!

– Херасе, у тебя шуточки!

– Норм вышло, да? – заржал Сашок, – Расслабься! Вон смотри, любовнички наши пришли, скоро начнется пьеса за авторством Маркина. В одном акте. Ты только молчи.

– Я знаю! Но мне не нравится... Правдошно ж будет, если я орать буду, типа: «Я тебя найду, чухан!» – ну или что-то такое... Стрелу, может, забить на «Путепроводе»?

– Ну все! Место тебе теперь в МХАТе... Ты в целом неплохой драматург!

– Так же реалистичнее будет!

– Ага, пойду до галюна схожу.

– Ты давай там не теряйся, а то время уж.

– Вот приду и начнем спектакль, а пока... Подпирает уже!

Кулёк удалился, а Володя заказал себе еще стакан, выжидая тайного сигнала от товарища, что вкручивал детородный орган в уши своей пассии.

– Мне еще «Б-52» и поджечь! – требовала Ксюха у бармена.

– А мне водки... Сто! – обозначил свои желания и Жека.

– Что ты как из деревни, а?

– Пацаны не пьют коктейли!

– Чего это?

– Того это!

– Не буду и все тут!

– Воу, скрепы вошли в чат. Возьми, говорю, тебе понравится! – девчушка так стрельнула прекрасными голубыми глазами, что попала в самое сердце Маркина.

– Ладно, уговорила! – Жека прихватил Ксюху и потащил к себе, чтобы жахнуть в пухлые губы.

– Милый мой, – она заигрываяще отстранилась, оставив

кавалера с букетом падких чувств, – даму надо как следует выгулять, а уж потом тискать... А ты вон коктейли пить не хочешь!

– «Кровавой Мэри»! – поддался бравый кавалер, ибо рядом с ней сердце его работало с перебоями.

– Мешать? – уточнил бармен.

– Я тебе помешаю сейчас!

– Хозяин-барин!

Спустя несколько минут пред парочкой образовались коктейли. Ксюха улюлюкала, когда бармен поджигал ее пойло, а затем лихо через трубочку опустошила стакан. За один раз. Жеку это лишь позабавило, ибо его Дашка и не пила-то толком, а постоянно изображала из себя праведницу, а тут такая шикарная дьяволица. «Кровавая Мэри» пошла с трудом, ибо вся водка оказалась вверху, а томатный сок на дне, но рыцарь, ищущий расположения дамы, не подал виду, не гоже ж.

– Нравишься ты мне, Ксюха! – вновь пошел в атаку Маркин.

– Раз нравлюсь, то женись! – расхохоталась она, а в порыве смеха прислонилась своей полуголой спиной к пареньку, что восседал на соседнем стуле.

– Ля, какая! – обрадовался вниманию тот и потянул свои пакши, чтобы обнять Ксюху.

Девчушка не спасовала и, отстранившись, схватила стакан своего кавалера и плеснула в лицо наглецу. Наглецу томат-

ный сок не понравился, отчего тот заревел и замахнулся на прекрасный цветок, охраняемый Жекой, что разговаривать не стал и хлестким ударом отправил спать негодяя. Подключились и друзья негодяя. Но разве ж это аргумент для человека с черным поясом? К Морфею ушли еще двое. Подключилась охрана. Здоровые быки. Много. Маркин получал, поэтому отступал. Наслаждающийся пивом и зрелищем Володя все-таки осознал, что его братишка уже не справится, осадил до дна стакан, хрустнул костяшками рук и ринулся в бой... А колотушки у него не меньше, чем у местных стражников, да и еще годы в боксерской секции. Пацанам с «Восьмухи» победителями выйти не удалось, ибо враг оказался на уровне, но и в грязь лицом они не ударили: кому-то из персонала «Мегополиса» теперь явно потребуется поездка в травм-пункт.

Битва закончилась на стоянке у клуба, куда выскочили сначала задорно смеющаяся Ксюха, а следом и распыленные Марк с Горой. Охранники, завладев границей, дальше в наступление решили не идти и закрыли дверь, вызвав бурные возмущения толпы, стоящей на входе. Пацаны перевели дух лишь у машины.

– А ты еще кто такой? – весело поинтересовалась Ксюха.

– Володя я. Жекин сосед.

– А-а-а-а-а!

– Это хорошо, что ты тут оказался, братишка! – пыхтел Маркин.

– Так ты ж сам... Вернее, Кулёк меня сюда позвал.

– А где он сам-то этот Кулёк?

– Я не знаю, – Гора пожал своими габаритными плечами,

– Поссать ушел. Вечно он пропадает, когда не надо.

– Ага, с ним бы половчее было б...

– Ой, это что... Кровь? Давай посмотрю! – Ксюха подошла к Жеке, вытерла пальцем кровь с губы и смачно поцеловала, паренек не сплеховал и ответил страстью.

Маркин помахал другу, мол, иди, не мешай, тот дежурно попрощался и ушел, а вот парочка вслед за выбросом ад-реналина прямо на заднем сидении «бэхи» избавилась и от дофамина, что открыло им портал в поток, где лишь двое, ограниченные от остального мира иллюзорной трубой для сплетения чувств, и ничего кроме! Кульку, конечно, об этом говорить не стоило, ибо счет на химчистку обеспечен.

Ночь. Белосветск. «Долина нищих». Дом Боловых.

Матюша вышел во двор дома шефа и закурил. В этот момент за воротами остановилась машина. На всю Ивановскую орала какая-то песня Сергея Лазарева. Через пару минут в калитке образовалась фигура хозяйской дочери. Слегка пьяна и в достаточно шлюховатом платье.

– Где шлялась? – сурово спросил Матюша и затушил бычок об урну.

– Безумие, моя родная гавань!

– Где шлялась?

– А я должна отчитываться перед тобой?

– Да.

– А ты кто? Папашкин охранник? Или какая там у тебя должность официальная? Автослесарь?

– Я в том числе отвечаю и за твою безопасность.

– Хреново отвечаешь! Чуть не изнасиловали в «Мегаполисе».

– А ты платья поскромнее надевай!

– Ты мне муж, чтоб указывать, как одеваться?

– Что это за полупокер?

– Тот, у кого яйца на месте, в отличие от некоторых. Он и даму защитить способен, и получить благодарность за это. Да, у него и достоинство-то побольше будет, да и распоряжается им он получше.

– Спрашиваю еще раз!

– Папашка моего ребеночка!

– А ты что бухаешь, раз залетела?

– Хочу и бухаю! Не твое собачье дело! – Ксюха, размашисто вальсируя задницей, продефилировала мимо Матюши, а в финале имитированной дорожки подиума, развернулась и эротично провела рукой сверху вниз от груди до свеженаполированной «матильдочки», показав своему бывшему кавалеру, что стринги она где-то потеряла, – Чао, стеклянный мальчик!

В комнате девчушка скинула с себя одеяния и отправилась в душ, где предалась водным процедурам и мыслям:

«А он хорош! Чертовски хорош! Трахается, как в последний раз! Да, местами не отесан, но в руках правильной женщины, то есть моих, из этого алмаза получится бриллиант. Вот он наш верный кандидат на роль опоры! Хотя жениться он не собирается на мне... Но я и не говорила, что беременна... А когда сказать? Завтра? Да не, он же не лох какой, догадается. Подождать недельку другую, и скажу. Хотя там к родам выяснится же... Да не! Пара недель туда, пара недель сюда! Скажу, что недоношенным родился ребеночек. Кто вообще будет вопросы задавать? Главное, чтоб на меня похож стал, а не на Матюшу этого... На кой я вообще с ним крутить начала? В выборе объекта любви раскрывается суть человека. Зачем он мне? Убьют еще ненароком. Я вообще ему нужна, чтоб к папашке поближе подобраться и стать наследным принцем его империи. Такое себе, конечно! Пусть локти теперь кусает, гад! Воспользовался положением бедной и наивной девочки! Ненавижу! А вот Жека не такой, он – правильный пацан. Если ему сказать, что его дама сердца залетела, то точно женится. Вот увидишь, Ксень... Вот увидишь! Стоит только подождать! А папашке как сказать? Да, так и скажу, мол, люблю не могу, скоро внуки будут... А еще лучше внучка... Точно! Внучка! Голубоглазка светленькая... И все! Потеряли деда. Как пить дать! План идеальный... Но как же тяжело хранить эту тайну... Как тяжело!»

– Ксения, ты пришла? – раздалось из-за двери от мамы.

– Нет, это не Ксения, – расхохоталась дочь, – это призрак

дома Боловых. Крутит счетчики, чтоб оставить принцессу без приданного.

– Смотри, не сварись там, призрак!

– Да все, выхожу!

Она покинула душ и улеглась в кровати. Ворочалась, ворочалась, затем взяла плеер и включила Лазарева: «Эх, Сережа-Сережа, вот бы мне такого мужика, как ты. У нас же с тобой давняя любовь. С ранней юности. А первая любовь, знаешь, какая сильная-сильная? Но как ты в Белске и не сыскать. Одна шваль! Приходится выбирать из того, что есть... А жаль!» Так девчушка и отправилась на randevу к Морфею под журчащий голос любви всей ее жизни.

Глава 3 – 4 июля 2015 года

День. Белосветск. Район «Восьмуха».

Маркин после великолепного вечера раздуплился только к обеду. Вышел на точку торговли. Отдых отдыхом, а дела никто не отменял. Если жалеть себя и халявить, то вершин не добьешься.

У машины его традиционно ожидал Шурик Герасин с кепкой, наполненной грошами толпы. Душа творца требовала продолжения банкета.

– Жека, ну где ты ходишь? Трубы горят страшно! – негодовал поэт.

– Магазины уже открыты! – еще зевая, парировал тот.

– Там цена не соответствует качеству!

– Водки?

– Да. Четыре, – Шурик протянул кепку.

– Я уже задолбался твою мелочь менять! – негодовал торгош, но товар все же выдал.

– Ничтожность земных упований заставляет ощущать немощь и бессилие рабов идей, которые их безжалостно сожрали, – пожал плечами поэт, – Есть вещи, которые невозможно просить, но я все же спрошу. Нам пора пересмотреть наше сотрудничество, я же постоянный клиент.

У Жеки зазвонил телефон, тот бесцеремонно вышел из беседы, чтобы ответить.

– У меня серьезный разговор с бизнес-партнером. Здорово, Володь!

– Я подожду! – не унимался Шурик.

– Подожди, Володь! Слышь, вали отседа, постоянный клиент! Будешь газовать, я тебя в черный список запишу... И по печени!

– Никакой клиентоориентированности! Я мог бы стать кумиром для интеллектуалов, если бы они тут имелись, – пробурчал себе под нос гений жизненной силы и отправился радовать толпу водкой с потоком рифм.

– Да Шурик опять прилип, как банный лист к жопе.

– Скидку просит?

– Ага.

– У меня тоже просил.

– Лесом пусть идет.

– Ну че там? – Володя переключился на загадочную интонацию.

– Где это там?

– Ну там... С твоей этой принцессой.

– Норм все!

– Вдул?

– Ага.

– Красава, брат!

– А то ж.

– А с Дашкой, чего делать-то будешь теперь?

– Брошу! На кой она мне? Помидоры завяли уже давно,

а тут...

– Сделай все, что сможешь.

– Не вопрос.

– Удачного боя, брат!

– Как там твой член?

– В смысле?

– Сидишь дома и гоняешь лысого от нечего делать. Спустился бы потрепаться, ленивая жопа!

– Пошел ты, я не дома, на работе мебель пыряю.

– Сегодня ж суббота.

– Вызвали. Фура пришла.

– И чего? Забил бы!

– Уволят!

– И что?

– Такие времена пошли, даже на хер некого послать.

– Мы все те же мятежники. Пошли их... Я тебе говорю, и будешь бутлегером на полную ставку. Алкашам нужно хорошее пойло.

– Предки не поймут! По их версии филки можно заработать только на работе, на которую надо куда-то ходить.

– А бизнес?

– Все бизнесмены – ворье! У нас в стране честно заработать нельзя, не воруя. Это цитата. Батина.

– Получается, я – вор?

– Я им сказал, что ты – торговый представитель на ликероводочном.

- Стыдишься дела нашего, братишка?
- Тут лучше не спорить. Хер их победишь!
- Резонно.
- Ага.
- Ладно, пойду я Дашку бросать.
- Не пуха.
- К черту!

Маркин повесил трубку и погрузился в свои мысли: «Как ее бросить, коль вы ж столько времени вместе? Ну разве ж это причина? Если не любишь, отпусти. А ты ее давно не любишь, а она все мечтает о семейном счастье. Какая-то она жалкая. Просто привычка. А Ксюха какая, а? Не знаю! Любви с первого взгляда не существует, но она все равно хороша. Чертовски хороша. Форма среди других форм. Таковую и выгуливать не западло. Надо Дашку слить, пока Ксюха про нее не прознала. А как слить-то? Может, прийти к ней и спину показать? Там места живого нет от когтей. Ох, уж эти страстные тигрицы. Ладно, нечего тянуть кота за яйца, а надо решать здесь и сейчас. Иди к ней и скажи, мол, люблю другую. Спасибо за все! Пока! И текать. А если дома мать? Или батя ее? Что-то при них стремно. Что ты, Жека, ссышь, как перwokлассник?»

Пальцы сами набрали смс-ку: «Даш, выйди, нам надо поговорить кое о чем важном!» В ответ пришло: «Мне тоже надо тебе сказать кое-что важное!»

«Неожиданно! – подумал он, – А если эта коза нашла се-

бе кого-то и бросит тебя? Было бы хорошо! Так, стоп! Надо будет нахлестать ее новому хахалю. Не по-пацански чужую бабу уводить. Хоть она тебе и не нужна, но это уж твой репутационный ущерб, а то ж будет тут ходить мимо. Туда-сюда. Туда-сюда. Под ручку. Со своим этим хахалем. А весь двор будет смотреть. Как у тебя, Жека, бабу увели, лошара-ми-кантара! – Его нравственность носила достаточно извращенный характер, однако ж он считал сие константой, не подлежащей сомнению, – Нет-нет-нет. Такому не бывать! Не в твою смену! Пусть вон в деревню едет к бабке своей... И с колхозанами там гуляет по полям. По полям, по полям, синий трактор едет к нам! А тут уж в Белске извините! Вынужден нахлестать!»

Из подъезда вышла Дашка в каком-то цветастом халате и сланцах. Судя по выражению лица, она чем-то обеспокоена.

– Ну здрасти! – обозначил дежурное любовное расположение Маркин.

– Забор покрасьте!

– Чисто змея!

– Че сказал? Ну-ка повтори! – не сказать лишнего слова она никогда не боялась, рубила с плеча так, что щепки до соседней области долетали.

– Тебе слышалось!

– Точно?

– Сто процентов!

– Смотри у меня!

Дашка слегка чмокнула возлюбленного и прыгнула на переднее сидение его машины.

– Лето ж на улице, что в тачке жариться, ты куда полезла?

– Маркин, сел! – Женщины без секса становятся всегда чуть агрессивнее, факт налицо.

– Зачем, Ушакова?

– Мозги мне не еби, да? – завибрировала та.

– Слышь, а ты че так базаришь? Заебала уже фамильяничать!

– А, может, нравится мне твоя фамилия. Примерить хочу.

– Мы уже с тобой это тысячу раз обсуждали. Рано еще. Надо на ноги встать.

– Начало-о-о-ось! – вздохнула девчушка, – Садись давай, надо поговорить!

– Зачем?

– Сел, я сказала! – Белосветские женщины опаснее ружей, с ними лучше не спорить в такие моменты.

– Ладно-ладно!

Как только его пятая точка уселась на старое сидение, Дашка без разговоров выудила из кармана халата тест на беременность. С двумя полосками.

– Это чего?

– Тест.

– Какой?

– В том, что я – енот, блять! Маркин, не тупи!

– Чтобы бросить женщину, нужны яйца! – подумал Жека,

– Чтобы бросить беременную женщину, нужны стальные яйчища, да и силы для борьбы с общественным мнением! Тут район точно не поймет!

– Ну теперь-то ты на мне женишься? – с жирной уверенностью в голосе уточнила она.

– Женюсь-женюсь! – обреченно вздохнул Маркин.

– А ты что это не рад, да?

– Рад.

– Я вижу, что не рад, – Дашка принялась разгоняться до сверхкритического состояния, начав термоядерный синтез, – И я тебе на хер не вперлась, и ребеночек наш. Нет. Мой. – Взрыв высвободил дейтерий, тритий, литий-6, вероятно, и уран-238. Огненный шар расширился со сверхзвуковой скоростью, – Прочерк поставлю в свидетельстве о рождении. Нам не нужен такой папашка. Сама воспитаю. Мать с отцом помогут. – Световое излучение. Гриб. Ударная волна. Проникающая радиация, – Или вообще нового найду! Сейчас, знаешь ли, и с прицепом баб разбирают!

– Я ему все кости перелوماю.

– И сядешь!

– Ну и сяду!

– Пока сидеть будешь, я нового найду.

– Я выйду и ему все кости перелوماю.

– И опять сядешь.

– Даш, выходи за меня! – вырвалось из Жеки, неожиданно даже для него самого.

– Правда? – гормональный сбой переключился с гнева на милость, девчушка ринулась в объятия будущего мужа и страстно поцеловала, а дальше замурчала, – И кольцо купишь?

– Куплю!

– И свататься к мамке с папкой придешь?

– А чего к ним свататься-то идти? Будто они не в курсе, чем мы по ночам занимаемся?

– А руку и сердце просить?

– Вот рука, вот сердце! На кой их просить?

– Не придешь? – пуще прежнего возмутилась Дашка.

– Да приду-приду!

– Когда придешь? – она в очередной раз переключилась на ласковый.

– Завтра приду!

– А я тебе селедку под шубой сделаю, как ты любишь!

– В натуре сделаешь?

– Ага!

– Мамка самогону недавно нагнала.

– Ты сейчас серьезно? У меня бухла вон полбагажника!

– В нем нет любви! А мамка с любовью делает. И своих тоже зови.

Мимо совсем некстати проходила Галина Георгиевна Маркина. С сумками.

– Пойду матери помогу! – Жека выскочил из машины.

– Здравсти, тетя Галь! – высунула свое улыбчивое лицо из

окна Дашка.

– Привет, Дашуль! А что это ты сияешь, как начищенный самовар?

– А Женька мне предложение сделал.

В тот момент Маркин чуть сумки не выронил из рук.

– Я домой!

– Стоять! – командным голосом остановила того мама, – Кольцо купил, женишок?

– Мам, давай потом!

– Нет, давай сейчас! Сколько можно девочке голову канифолить?

– Мам, куплю! Позже! Давай мы это без невесты обсуждать будем!

– Невесты, – очарованно витала в облаках Дашка.

– Ой, я так рада за вас, молодежь! Ваньке, то есть Иван Демидовичу, расскажу, он не поверит! – растрогалась Галина Георгиевна.

– Мам, ну я пойду?

– Иди уж!

– Теть Галь, а вы с дядь Ваней приходите завтра к нам свататься. Официально!

– Ой, дочка, конечно, придем!

Дальше Жека беседу новоиспеченных родственников не слышал, ибо выполнял общественное поручение по доставке капусты, картошки и свеклы на третий этаж. Надо что-то решать. А что? Он не знал! Пришлось действовать по на-

итию. Обострился источник морали. Дашка, конечно, приелась, хотелось шикарную Ксюху, но четкий пацан не имеет права бросить беременную, коль так вышло. По законам свадебного жанра Маркин собрался в ювелирный. Дома пришлось подбивать финансы. Копилка от денег не трещала по швам.

Бизнес бизнесом, вроде что-то и приносит, но Жека ж не один, их пятеро. У каждого своя роль. Костик Попэн на «сапожке» едет затариваться на спиртзавод, он отвечает за сделку, ибо тот еще пластичный червь, катающий по ушам так, что ты начинаешь верить в его ложь, как в правду. Почти всегда удастся договориться за дисконт... Его личная победа – победа всей банды, ведь важнее, за сколько ты купил, а не продал... Чтобы бодаться с клятыми капиталистическими буржуями, стоило значительно занижать цену, ну и про качество не забывать: если, кто потравится, проблем не избежать, законники сразу и найдут, и прихватят за детородный орган, да так, что не отвертишься. Формула успеха всегда граничит в одной плоскости с формулой провала. С ним на подхвате Володя Гора, но он чисто по физике: поднять, погрузить, разгрузить, более важные дела доверить тому нельзя. Мозг любит загнать ненужное, куда подальше. В его случае – в район соседней галактики.

Затем все добро сгружается в гараж Пахи Снайпера, что выступает в роли завсклада, он почти всегда на штатном месте, что днем и ночью ищет подлинный смысл за игрой в

«Counter-Strike» под синим неоном. Видит тот в этом символизм надежды. Ему без надежды нынче никак, жена выгнала из дома. Навсегда. Избегая развязок и не примеряясь с истиной, Паха собрал в котомку приобретенные к четвертому десятку атрибуты бытия в виде закрытой и нерешенной позиции личности, бремени вины, неправильных представлений о мире, трусливого нахальства, тяготения к объективности и заочного бунта, да отправился в свое тайное логово, чтоб избавиться от ужаса раздела жилплощади с предками, да сидения на их шее. Свобода невольника – великое событие, пусть даже обречен тот раб жить в гараже, где весь хлам имеет место, тайный смысл и перспективу обретения будущего, которое скорее всего не настанет. Работает он там же. Варит глушаки тачкам. Сильный и независимый мужчина.

За дистрибуцию отвечает сам Маркин и Сашок Кулёмин. Первый стоит на точке у своего дома, а его мордовский коллега – на Карпинской, что через три двора. Оба торгуют из личных машин. Дела идут неплохо, но хотелось бы больше.

На обручальное кольцо Жека со скрипом в душе выделил десять тысяч рублей. Сумма приличная, но больше тратить не стоит. Это ж молочное кольцо, потом еще и обручальные брать... Два. Свадьба – это вообще дорого, даже по белосветским меркам.

Путь Маркина лежал в центр. Там уже третий год пытался самоликвидироваться один ювелирный магазин с кассовым названием, отчего угрожал огромными скидками. Понятное

дело, что он и не закроется никогда. Грамотное наебалово, основанное на сатанинском высокомерии и отблесках прошлого, рождает монументальную экономическую модель, что приговорена отбирать последние гроши у слепых до всякой реальности. А что? Народ же ведется на досадную обязанность! Без лоха и жизнь плоха! Однако ж там действительно дешевле, чем у тех, кто закрываться не собирался.

Прямо на входе он столкнулся с Ксюхой.

– Вот это встреча, – подумал Жека, – А ведь я даже не знаю, что теперь с тобой делать, моя дорогая девочка.

– Ты что меня игноришь? – насупив нос, забухтела она.

– И тебе привет, Ксюха!

– Я ему звоню, пишу, а он... Поматросил и бросил, да?

– Да? – Маркин достал телефон. Там и правда оказались пропущенные звонки и смс-ки от восхитительной подруги, – Не видел!

– А тут чего забыл?

– У мамы день рождения.

– Давай, я помогу.

– Не надо. Некогда. Сейчас по-быстрому браслет ей серебряный куплю и на лыжи! Там уж стол накрыли, а я забыл про праздник. Представляешь? А еще за цветами надо!

– М-да-а-а! Позорище!

– Не говори-ка!

– Завтра тогда набери мне! – Ксюха обняла Жеку и на ухо вожделенно прошептала, – Я соскучилась!

– Я тоже! – паренек ответил ей тем же жестом и поцеловал так, что аж дух свело.

– Пока-пока, мой! – девчушка подмигнула и упорхнула, зазывающе виляя шикарной задницей.

Маркин быстренько прикупил кольцо для Дашки и выско-
чил из магазина... А там опять она. Ксюха. Нос к носу.

– Окна! – стреляла глазками она.

– Что окна?

– Прозрачные окна!

– И?

– Ты маме кольцо обручальное купил?

– Чего?

– Я через витрину видела, как ты кольцо купил. Золотое.
А говорил про браслет серебряный.

– Да, я чего-то подумал, что маман достойна золота.

– Скажи честно, ты жениться на мне собрался? – глаза
Ксюхи наполнились очарованной надеждой.

– Нет.

– Как это «нет»? – блеск лазурных глаз девчушки вмиг
сменился угрожающей враждой.

– В любой другой ситуации, я бы с радостью.

– В какой любой другой ситуации? Маркин, ты что охре-
нел? Ты меня пользовал-пользовал, говорил, что любишь, а
что теперь уже нет?

– Когда это я такое говорил?

– Вчера. В машине. Когда трахал меня! Забыл уже?

– Не было такого, не манди!

– Какая же ты сволочь!

– Ксюх, ну прости ты. Я, правда, хотел все разрулить, но так вышло, что мне надо жениться на другой. Такие дела! Не могу ж я бросить беременную женщину. Не по-пацански это!

– Чего? В смысле тебе надо жениться на другой? На беременной другой? У меня слов нет, какая же ты – гнида, Маркин!

– Слышь, базар фильтруй, – напрягся и Жека, – А то я не посмотрю, что ты – баба, коль фарш мечешь во все стороны!

– Посмотрим-посмотрим, как жизнь сложится.

– Ты что, угрожать мне вздумала? – расхохотался тот, – Гуляй давай, красotka! Ну было и было! Все прошло! Что теперь из-за этого страдать?

– Если женщина решила, то она своего добьется.

– Чего?

– Приползешь еще ко мне, будешь умолять замуж за тебя выйти.

– Ты ни до хера ль на себя берешь?

– До свидания, Евгений!

– И вам не болеть, Ксения!

Вечер. Белосветск. Район «Восьмуха». Гараж Пахи Снайпера.

Жека собрал корешей, чтобы отметить столь горестное событие в его жизни – прощание с холостяцкой жизнью.

Пришли все. Гора. Попэн. Кулёк. Ну и хозяин заведения не мог не быть. Паха Снайпер.

Жарили мясо, пили за предстоящую помолвку. Этим ага-лам, в принципе, повод только дай, чтоб залиться. Всегда в радость! Да, и проблем с алкашкой у бутлегеров нет. Зелья много, только налегай!

– Пацаны! – поднялся Паха из-за обшарпанного стола, что обрел вторую жизнь в его новом логове, – Жека, брат! Ты у нас не первый, кто решил создать свой собственный «сквад», чтоб запустить жизнь, но помни о неудачном примере. Вот он! Перед тобой стоит. Не наступать на чужие грабли достойно большого уважения!

– Ура, жируем! – поддержал товарища Кулёк.

– Подождите-подождите! А чего у нас жоних сидит тут, как на поминках? – не остался в стороне и Костик Попэн.

– Так это ж и есть похороны! – заржал Володя, – Похороны холостяцкой жизни!

– Жека, ну, правда! Скажи уж что-нибудь! А то ты вроде и с нами, а вроде тебя и нет! – подвел итог тостующий.

– Пьем, чего сидим! – Маркин протянул граненый стакан, и все звонко чокнулись, – Взросление есть постепенный переход от опоры на окружающих к опоре на себя.

– Я что-то не понял. Ты под каблук собрался? – удивился Попэн, – А то мне тут удивительные истории рассказывают, как ты мажорке какой-то поддаешь, корешей в «Мегаполис» водишь. Кстати, Паха, ты слышал? Нас с тобой-то он не по-

звал!

– Не порядок! – ответил Снайпер.

– Это ж для дела! – решил поддержать друга Володя, – Сашок, а ты, кстати, куда вчера пропал? Поссать ушел и все. А тут замес с охраной нехуйственный. Еле ушли!

– Я Жеке уже все объяснил!

– Ну ты мне еще объясни! Я ж тоже там как бы присутствовал.

– Обосрался я, чего пристал? Выхожу из толчка, а вас нет. Походил поискал. Ну и пошел бухать!

– А если бы нас на улице метелили? – не унимался Гора.

– Тебя уж отметелишь! – расхохотался Кулёк.

– Я что-то уже запутался, Жека! Поддавал ты мажорке, а жениться собрался на Дашке? – Костик почесал затылок, – Это типа легко обмануть глаза, но трудно обмануть сердце?

– Ну да! – жених равнодушно пожал плечами, обозначив проблему сочетаний его амурных линий.

– Ты ж говорил, типа все дальше и дальше удаляешься от нее душой, но продолжаешь идти с ней рядом. Чисто по привычке.

– Пацан выбирает не ту, что ярче светится, а ту, что в темноте не гаснет.

– Э-э-э-э, цитаты из «ВК» вообще-то моя фишка.

– Ну, извините, сударь!

– Я бы на твоём месте разбежался с Дашкой, – разливая коньяк по стаканам, сообщил между делом Сашок, – Есть

домашние женщины, они, как борщ. Набивают желудок жизненно необходимой массой. С ними надежно... А есть женщины – десерт. Из серии бисквитного торта с вишневой начинкой. С ними можно обосраться, но кто откажется от такой вкуснятины после борща? Вот многие и бегают за сладеньким. Мажорка-то... М-м-м... Чисто филармония. Я видал, я видал!

– А ты давай губенку-то не раскатывай! – напрягся Маркин.

– Так ты жениться собрался или нет?

– Собрался!

– Ну так уступи братишке барышню или зажал? Станем с тобой еще роднее... Молочными братьями!

– Что еще за молочные братья? – искренне удивился от незнания Володя.

– Это когда два типочка одну и ту же телку полифонят! – блеснул знаниями Попэн.

– Сразу?

– По отдельности, идиот!

– А-а-а-а, ну тогда ладно!

– Жека, ну так чего... Можно, я с Ксюхой замучу? – не унимался Кулёк.

– Истина, – жених опрокинул полный стакан, – Истина заключается в том, что жизнь – непрерывный процесс постоянно обновляющийся, и он, – Маркин налил себе еще и выпил, – предназначен только для того, чтобы жить, но не жить

ради чего-то.

– Ты заебал цитировать своего Брюса Ли! Сейчас вообще не к месту! Давай решим вопрос по-братски!

– Мы можем видеть других, – Жека налил еще и выпил.

– Э-э-э-э, женишок, хорош! – забеспокоился Паха.

– Володь, отбери у него бутылку! – Попэн не остался в стороне.

– Ага, отберешь у него! Жека, завязывай давай уже!

– Мы можем видеть других! – заорал Маркин и набросился на Сашка, схватив его за грудки, – Мы можем видеть других насквозь только тогда, когда видим насквозь себя.

– Бля, пусти уже! – негодовал Кулёк, – Увидел уже себя?

– Я тебе сейчас въебу! – завопил женишок и своей рожей уперся в плечо друга.

– Володь, помоги!

Жеку уложили на старый диван, где он отправился к Морфею.

– Пойду в «КС» покатаю! – Снайпер обозначил типичные для него намерения.

– Эй, старпер, ну ты чего? – негодовал Костик, – Если ты не с нами, ты против нас. Третьего не дано.

– Здоровье уж не то, сами понимаете, надо беречь!

– Тебе тридцать два!

– Тридцать шесть!

– Слабые ищут оправдания. Сильные ищут пути.

– Костик, отстань от дедушки, айда въебем! – Кулёк уже

активно разливал по стаканам, – Выживают только самые стойкие!

– Своих не бросаем. Даже если все против – мы «за»!

Паха сел за комп, надел наушники и потерялся в мире «Counter-Strike». Остальные выжившие выпили.

– Это что ж получается? – Попэн саданул кулаком по столу, – Все Жекину новую бабу видели, а я не видел? Негоже так! Чувствую себя ущемленным!

– Такой вот у тебя друг!

– Сашок, что ты разгоняешь-то за спиной, как крыса? – забычил Володя, – Если тебе что-то не нравится, то скажи Жеке в лицо... Или ты ссышь?

– Пацаны, да я ж угораю!

– Угорает он, – пробурчал Гора, – и саданул со стакана до дна.

– Че вы сретесь-то? Мы ж братишки! – Костик пытался выступить в роли третейского судьи, – Надо ценить всегда только тех, кто с тобой до последнего.

– Такие братишки, что за спиной пиздят, да, Кулёк?

– Володь, да я ж сказал, что это по приколу все!

– По приколу, блять! Мне стало казаться, что ты нас на что-то провоцируешь.

– Паха! – завопил Попэн и содрал со Снайпера наушники, – Давай помогай, а то эти подерутся!

– Так, молодежь! По крайней и по домам! – по-хозяйски обозначил директор заведения, – А вы, молодые люди, полу-

чаєте спецзадание: Жеку надо транспортировать домой!

– Тут пусть спит! – перебил Кулёк, – И мне вообще не по пути! Этот с ним в одном подъезде живет, вот пусть и тащит! Ладно! Бывайте! – он встал и быстренько ретировался.

– Вот, жук! – расхохотался Паха, – Никогда не перестану удивляться этому.

– Ага! Когда-нибудь нам надоест терпеть эту хуйню, и он получит знатных пиздюлей.

– Согласен с предыдущим оратором! – жуя шашлык, продолжал вести диалог Попэн, – Володя, не ссы, я тебе помогу!

– Да, я и сам его дотащу!

– Это если он ногами передвигать будет! А если не будет?

– Тут согласен! Будет, как мешок с говном. Я тогда его через плечо перекину.

– Ну что на посошок и по домам? – Паха аж потер руки.

– Посмотри-ка на него! – расхохотался Костик, – Лишь бы выпроводить нас, чтоб свои волосатые ладошки постирать.

– У кого это волосатые ладошки? – заскрипел Снайпер.

– У кого, у кого? У тебя! Тебя ж жена из дома выгнала!

– И что теперь?

– Так ничего! Гоняешь вот сидишь целыми днями!

– Да иди ты в пизду! Сам-то давно с бабой кружил?

– Сегодня только Алёнке поддавал вообще-то.

– Смотри, Алёшка ее – псих, у него даже желтая карточка есть, порежет тебя на ремни и ничего ему не будет.

– Попэн, а ты можешь спросить у нее, может, она и мне

даст, раз всем дает? – на серьезных щах уточнил Гора.

– Еще один рукотер!

– Иди ты в пень, леший!

Друзья задорно рассмеялись. Володя и Костик потащили Жеку домой, а Паха остался в логове. Один на один с виртуальными врагами. И своими волосатыми ладошками.

Вечер. Белосветск. «Долина нищих». Дом Болова.

Аркадий Матвеевич по-барски развалился в кожаном кресле перед дубовым столом и потягивал раритетный «Макаллан», что стоил тысяч пятьдесят за бутылку. Компанию ему составлял его верный соратник по кличке Окаём, расположившийся на диване и потягивающий кубинскую сигару. Атмосферу дополняли красное неоновое освещение и фоном поющий из колонок музыкального центра Михаил Шуфутинский.

– Василь, ты когда-нибудь думал, какой будет твой финал?

– В смысле?

– Какая она смерть? Как ты хочешь умереть?

– Свободным.

– Я не о том.

– В муках или во сне? Помнишь, как мы по молодости жарили? Сколько всего было? Пули над головой не раз свистели. Чисто бунт и независимость. Вот времена! А сейчас что? Помереть беспомощным стариком в окружении семьи?

– Всяко лучше, чем на киче.

– Тут-то ты однозначно прав.

В дверь постучали.

Ксюха, решив изменить вольным традициям, облачилась в брючный костюм, закрыв все тела. Зачем? Пришла она к папашке по делу... По просьбе... И нервировать его внешним видом не стоило, ибо разговор и так пойдет напряженный.

Девчушка постучалась в дверь и зашла. В лицо ее ударил дым.

– Фе! – поморщилась девчушка, – Здравствуй, папа! Здравствуйте, дядя Вася!

– Здорова, Ксюха! Вискарь будешь? – предложил ей Окаём.

– Нет! – резанул Болт, – Не доросла еще.

– Спасибо за предложение, но я поговорить пришла. Пап, можно тебя на минутку?

– Вижу, что выводы сделала! Приятно посмотреть. Приличная женщина, а не подзаборная блядь!

– Да, папочка, ты прав, надо держать марку. Я все поняла, прости меня, я больше не буду так одеваться.

– Вот же лису воспитал. Надо чего?

– Поговорить! – Ксюха с намеком посмотрела на Василя, – Наедине!

– Ты хочешь, чтоб я брата выгнал?

– Нет, папочка! Просто вопрос очень личный.

– У меня от Василя тайн нет. Говори.

– Я не могу! Это личное!

– Залетела? – вполне буднично спросил Болт и отпил «Макаллан».

– Да, папочка!

– Чего? – тут же отец заревел, как раненый зверь.

– Я потому и пришла!

– Василь, набери-ка лепиле, пусть сделает, как надо.

Окаём взял телефон со стеклянного столика, что стоял перед ним, и отправился искать нужный контакт.

– Я не буду делать аборт! – обозначила радикальную позицию и Ксюха, – Есть многие вещи, которые делать не нужно, даже если общество имеет глубокое желание!

– Ты еще отца давай поучи!

– А вдруг я потом вообще рожать не смогу? Тебе нужны внуки или нет?

– Василь!

– Ага! – Окаём положил телефон обратно на стол и взял стакан с виски.

– Папочка, я замуж хочу!

– За кого?

– Паренек с района. Жекой звать. Жека Маркин. Пацаны его Марком кличут.

– И на кой нашей благородной семье эта голытьба?

– От судьбы не уйдешь, папочка! Я люблю его! Он отец моего ребенка и твоего внука или внучки.

– Никакой внучки! – гаркнул Болт и выпил стакан до дна,

– Первым должен быть пацан. Тебя вон мне хватило уже. Все нервы вымотала. Второй раз не выдержу. Мотор у меня, знаешь ли, не железный.

– Как скажешь, папочка! Только есть одна маленькая проблемка. Его бывшая залетела, и он не может на ней не жениться. Типа благородный!

– Я тебя услышал! – Аркадий Матвеевич плеснул себе еще вискарька, – Василь, набери все-таки лепиле, пусть бабий доктор дочь посмотрит... Только лучший!

– Да, не вопрос! – Окаём повторно взял телефон и принялся звонить.

– Иди спать, Ксения. Утро вечера мудренее!

– Ты мне поможешь, папочка?

– А как иначе? Мы же семья!

– Завтра в десять, – Окаём бросил трубку на стол и вернулся к дегустации стакана.

– Матвей тебя отвезет! Иди!

– Спасибо, папочка! – Получив нравственные утешения, довольная Ксюха упорхнула восвояси.

– Василь, узнай, что это за поц и найди мне его, хочу потолковать о брачной морали и священных супружеских правилах!

– Не вопрос. Пойду воздухом подышу. Поболтаю с нашим новым другом, пусть поработает немного.

– Давай-давай.

Окаём вышел из дома на улицу, где уселся в беседке. Да-

лее телефонный звонок.

– Илья Васильевич, здорова! Окаёмов. Знаешь такого?

– У тебя откуда номер мой?

– Поспрашивал!

– Чего надо?

– Узнай за человечка!

– Я тебе справочное бюро, шоль?

– А вот грубить-то мне не надо, учитывая твое положение.

Я, так сказать, налаживаю нашу дружбу.

– Кто?

– Евгений Маркин, где-то на «Восьмухе» живет.

– И на кой он тебе?

– По рассказам подлецов примерил он на себе отрицательные черты человека, коего родители не желали в нем видеть. Против воли их стал, утвердился и проиграл с позором. Упрямый осел. Не являясь увлеченным подражателем его таланта, хотелось бы направить вихрь его мыслей к иным стремлениям.

– Чего ты несешь вообще?

– Ну так поможешь или мне Богданову набрать, чтоб он тебя озадачил?

– Жди! – абонент на той стороне положил трубку.

Василь закурил сигарету: «Вот это нормальная тема, не то баловство кубинское!» – затем он молча смотрел на Луну, что пошла на спад. Не успел придать бычок ритуальной процессии в пепельнице, как раздался ответный звонок.

– Ну!

– Узнал!

– И?

– Записывай.

– Я запомню.

– Евгений Иванович Маркин, 1990 года рождения. Проживает по адресу: улица 8 марта, дом 17. Не работает. Пара приводов по мелочевке. Ничего серьезного. Все!

– Будь здоров, Илья Васильевич!

– И тебе не хворать! – в трубке раздались гудки.

Окаём вновь принялся звонить.

– Матвей, здорова!

– Здравствуйте, Василь Петрович!

– Как дела?

– Норм.

– Запоминай! Жека Маркин с «Восьмухи». Пошукай за мальчишку, потом найди и привези к шефу в сервис, он с ним потолковать хочет.

– Когда?

– Завтра. Вечером.

– Добро!

– Бывай!

Окаём поднялся в кабинет Болта, тот уже хлестал вискарь из горла под громкоголосое пение Михаила Захаровича о Таганке.

– Узнал? – Аркадий Матвеевич убавил звук на музыкаль-

ном центре.

– Шпана.

– Чем дышит?

– Матвей займется. Завтра к вечеру привезут жениха.

– Принципы у него! Не с той семьей решил связаться! –

Болт еще раз саданул с горла, – Устрою я ему принципы! Жаль внушка без отца оставить не получится, Ксюха будет горевать!

– Профилактика?

– Направление на путь истинный.

– Может, Джаза отправить к бабе этого поца... Чтоб он ее по-тихому исполнил. Дорогу там, не в том месте переходила... Или на лестнице неудачно споткнулась. Всякое ж бывает, неотразимые обстоятельства!

– А вот беспределить не надо! – рявкнул Аркадий Матвеевич, – Ты сам с людей за это спрашиваешь. Улицы должны жить в мире.

– Я пойду!

– Куда это ты собрался? Сейчас мы едем в баню. Девиц новых пробовать! Где твоя привычная к разврату душа?

– Суровый вызов! В баню, так в баню! – улыбнулся золотыми зубами Окаём, вспомнив, сколько в его жизни было сладострастных падений в лапы оскверняющих землю продажных женщин.

– Карету барину! – завопил хозяин дома.

– Олег, машину подгони. С шефом по делам поедem. В

баню. – Василь дал указания по телефону и стал поднимать Болта с кресла, – Аркадий Матвеевич, пойдем, девицы уже ждут.

– Позвони туда! Чтоб я приехал, а у них построение. Знаешь, как в армии. В одну шеренгу. И голые все. Голые и на каблуках. Буду и им строевой смотр устраивать!

На лестнице их встретила недовольная Анфиса Сергеевна.

– К шлюхам своим собрался?

– По делам! – промычал Болт, – У меня срочное совещание в мэрии. Гранты будем обсуждать с градоначальником.

– К шлюхам, значит!

– Я сказал по делам, женщина, значит, по делам! – заорал на жену нестерпимый тиран.

– Знаю, я твои дела! – Анфиса Сергеевна демонстративно отправилась в спальню.

– Я тебя из говна достал, отмыл и в золоте искупал, рот свой убей потому!

В ответ он получил лишь хлесткий удар дверью о косяк.

– Если нажать на большую мозоль, то из нее не просочится, не потечет, а бурей вырвется людская гниль, да такая, что ящик Пандоры покажется легким дуновением ветерка. Такие вот сложности семейной жизни, Василь! – слегка приглушенным голосом подвел итог Аркадий Матвеевич, – Секрет счастливого брака – не слушать бабский пиздеж! И у Ксении такой же мерзкий характер. Твердая оправа. Вся в мать, вся

в мать! Пацана не могла мне родить! Сейчас бы вместе в баню поехали. Эх! Что за жизнь у нас, Василь? Что за жизнь? Соприкосновения укладов заставляют двигаться тектонические плиты. Только и остается топить незавершенность души в пресловутом боготворении пороков!

Олежа с Окаёмом усадили шефа в «Крузак» и под громкие мотивы Шуфутинского отправились на строевой смотр.

Глава 4 – 5 июля 2015 года

День. Белосветск. Район «Восьмуха». Квартира Марки-
ных

– Эй, жених, ты где ж так вчера нашвартовался? – негодовала Галина Георгиевна, наблюдая, как сын страдальчески пытается запихивать в себя куриный суп.

– В гаражах.

– У Пахи своего небось?

– Небось.

– А чего ж ты так напоролся, что аж сам прийти не смог. Володя тебя наш к стеночке прислонил и убежал... Будто я его слоновьи шаги не слышала. Как дети, ей богу!

– Так вышло.

– Предложение Дашеньке отмечал?

– Отмечал. Ага.

– Вот тебе и «ага». Долго в трусах тут сидеть будешь, жених?

– Буду. Ага.

– Костюм погладить?

– Я сам.

– Вай, он даже слушает. Золото у меня прям, а не мужики. Один с утра круги вокруг гладильной доски наворачивает. Второй тоже сам.

– Бабе костюм доверять западло! – громкоголосо донес-

лось из туалета от бати.

– Ты утюг выключил, засеря?

– Выключил-выключил. Что ж я вчерашний какой, шоль?

– Сидишь там? Вот и сиди! – ответила тому жена, – Во-
дила в костюме. Я в шоке! Ты, когда последний раз костюм
вообще надевал? На свадьбу?

– Женька, когда родился! – Иван Демидыч вышел из кло-
зета и по-хозяйски предстал на кухне, – Из роддома тебя за-
бирал, как артист. Ты что, не помнишь?

– Ну яйца-то мог и там почесать. Там, откуда пришел.

– Мой дом – моя крепость!

– Что-то я погорячилась, назвав тебя золотом!

– Сама-то, когда платье надевала последний раз?

– Так ты меня никуда не водишь, вот и не надеваю!

– А когда мне тебя куда-то водить? Я ж как бы работаю!

– Знаю я, как ты работаешь!

– На мне, между прочим, ответственность.

– Какая? Баранку крутить?

– Если бы не дальнобойщики, вся страна встала бы.

– Ага-ага. Я эту песенку последние лет двадцать слушаю,
а мотивчик у нее все тот же. Ничего нового!

– Все не ори, у нас сынка женится, ебен батон! – Иван Де-
мидыч переключился на сына, – Жека, ты че зеленый какой?
Полтишок начислить?

– Я тебе сейчас начислю! – завелась мать, – Так начислю,
что все числа забудешь, Пифагор херов!

– Извиняй, сына, я пытался.

– Да не, бать, похмеляться – гиблое дело. Не доживу до сватовства.

– Так это формальности. Хоть не приходи вообще! Вопрос-то решенный, как я понимаю.

– Ну кольцо-то он ей еще не подарил. У отца руки и сердца не спрашивал, – не унималась Галина Георгиевна.

– Завязывай уже со своими турецкими сериалами! Понасмотрятся, а потом ходят... Мозги мужикам пудрят, чтоб те вели себя, как султаны, ебен батон! А Россия – не султанат, тут такое не прокатит! Русский мужик, он любит крепко, но скрытно! А не эта ваша херотень!

Жека через силу улыбался и заплодировал бате.

– Да ну вас! – хозяйка бросила кухонное полотенце и отправилась гладить выходное платье, – Женя, ты там не засиживайся. Костюм ждать не будет.

– Ладно, мам! – тяжело вздохнул Маркин, – Бать, дай сигаретку, шоль!

– Ты ж крепкие не куришь.

– А с похмелья все равно, какой «Winston». Что синий, что красный... Все равно тошно жить! Свадьба еще эта.

– А ты где жить, кстати, с невестой будешь? Здесь?

– А где ж? Тебя нет постоянно. Дашка матери помогать будет по хозяйству.

– Это правильно. Я уж подумал, что на квартиру съедешь.

– Ага! В центре куплю хату себе. Четыре комнаты. С ви-

дом на Ленина.

– Вот, баламошка-то! – басовито захохотал Иван Демидыч, – Костюм иди гладить, Ленин.

– Ага.

Жека вышел в подъезд, поднялся до Горы, позвонил в дверь и, не дожидаясь, как ее откроют, спустился на пролет ниже, где обосновался у кофейной банки, вросшейся в подоконник и переквалифицировавшейся в пепельницу. Дверь открылась, весь проем занял Володя.

– О, Жека! Живой! – заржал тот, – А ты че в труселях тут ходишь?

– Мой дом – моя крепость! Выходи давай!

Гора, как стоял, так и пошел, даже не закрыв дверь.

– Ну, здорова! – тот протянул братишке руку, тот ответил.

– Здорова, коль не шутишь!

– У бати, шоль, красный «Winston» стрельнул?

– Ага, сейчас легкие выплуну.

– На, синий! – Володя радушно вытащил пачку из кармана шорт.

– Благодарю, сударь, за спасение братского сердца! – Маркин прикурил новую сигарету от старой, а старую отправил в банку, – Как я домой вчера попал?

– Мы с Попэном дотащили.

– Ни хера вообще не помню!

– Так ты пил, как будто до этого на пиру знатно жиранул, вот тебя и умотало на раз. Жрать надо было мяско-то!

– Ага.

– Паха еще Кулька просил мне помочь, но тот слился, типа ему не по пути. Гусь, да?

– Ага, это ж Кулёк. Рожа хитрожопая, – повеселел Жека,
– И не переделывать уже.

– Не говори-ка!

– А я, брат, свататься сегодня иду! – Маркин посмотрел вверх и вниз в лестничный пролет.

– Ты чего шифруешься?

– Ага, тут прослушка круче, чем в Пентагоне, забыл? Надо бдить! Так вот, братишка, я из-за этой Дашки, которая у меня в печенках сидит уже со своими истериками, Ксюху слил.

– Да, знаю, ты ж вчера пьяный языком чесал.

– Она меня в ювелирном с поличным срисовала, ну я ей выкатил все карты на стол, мол, так и так... Извиняй. Жениться придется на ней.

– И это тоже!

– Такие дела.

– А куда деваться-то? Она ж в залете. Так положено!

– Но я не хочу!

– Эко ты залепетал. Не хочет он! Заделал девке дитятю, а теперь в кусты?

– Жизнь там, где есть абсолютная свобода!

– Чего?

– Чтобы контролировать себя, я должен принять себя,

действуя не вопреки своей природе, а в согласии с ней... Так мастер Брюс говорил.

– А он-то тут при чем? Чего ты его вообще и в кассу, и без кассы постоянно цитируешь?

– Эх, дубина стоеросовая, ничего ты не понимаешь.

– Я сейчас понимаю, что ты бабу в залете кинуть решил, а это не по-пацански. Улицы не поймут, улицы не простят!

– Да ничего я не решил. Ну кину я ее, а дальше что? Ксюхе ж я все уж рассказал. Мосты сожжены. Куда идти-то?

– То есть не решил кинуть?

– Нет, не решил. Буду жениться! Только не понимаю, на кой оно мне надо?

– Дети – это продолжение рода!

– А я – граф, шоль?

– Так положено!

– Кем?

– Обществом.

– Хер я на него положил, на это общество.

– Все! – Володя затушил сигарету в банке и отправился восвояси, – Заебал, честное слово, иди сам со своими бабами разбирайся тогда!

– Брат еще называется! – кинул вслед Жека.

– Брат-брат! – ответил из двери тот, – Только с бабами своими сам разбирайся! – дверь захлопнулась.

– Здоровый слон, а ведет себя, как истеричка! – Маркин докурил и отправился домой. Ему еще предстояли гранди-

озные дела по подготовке к сватовству.

К вечеру с горем пополам он погладил костюм, благо тот не особо мят, затем в дело пошел парадный «Адик». Синий при белых полосках по бокам. Жених посмотрел на себя в зеркало, пшикнул одеколоном, накинул белые педали. Еще раз посмотрел в свое отражение.

«Шик. Блеск. Секс-символ», – проскочила мысль у Жеки, и он отправился до цветочного ларька. Успел до закрытия. Купил букет. Не шибко дорогой, но и не веник. Пышный, главное, да с палками торчащими. Дамы любят такие, любой пацан без денег это знает. Тормознул Маркин у своей лайбочки, чтоб дернуть оттуда пяток штырей коньяка. Пить планировалось много, праздник же. Семейный как-никак. Батя-то уже затарился, но лишним не будет. Букет Жека положил на крышу, ибо ключи застряли в кармане, кольцом за внутренюю зацепились, бывает такое и вот опять. Только закончил археологические раскопки, как пред ним нарисовались трое из ларца: Матюша, Кирюша и Олежа. Лысые. Здоровые. Одно лицо на всех, шрамы только разные. Идеологически помешанные. Радикально нечувствительные к переменам. Твердый характер показывают. Стоят кругом. Щерятся. «Ой, не к добру, ой, не к добру!» – подумал жених, ибо знал, что это за сказочные персонажи и на кого работают.

– Здорова, пацаны! Чем обязан? – Маркин пытался не подавать виду, что быки Болта застали его врасплох.

– Шеф тебя видеть хочет! – монолитно заявил первый из

братьев, обозначив суверенность идеи, что привела их сюда.

– Меня?

– Тебя.

– А я ему на кой?

– Там и узнаешь.

– Пацаны, тут такое дело, – Жека указал на цветы, – свататься иду, сами понимаете, дело важное. Может, потом загляну к нему? Завтра... Или на днях!

– Ты тупой? – молвил второй хлопец с тем же ликом.

– В любой другой день я бы с радостью, но сегодня вообще никак. Родственники уже ждут. Невеста. Передайте, Аркадию... Как его там по бабушке.

– Матвеевич! – уточнил третий.

– Да-да, передайте Аркадию Матвеевичу мои глубочайшие извинения...

Договорить ему не дали. Один из братьев схватил Маркина за руку с целью вояжирования, но годы в секции каратэ и уличных драках не прошли даром, отчего женишок на автомате засадил обидчику прямо в нос с кулака... Еще и рука так хорошо легла, что мог бы и вырубить, если б весил тот килограмм на пятьдесят меньше, а этой лысой башке по боку вообще. Силы явно неравны, отчего Жека отбросил идею дать им бой. Да и как дать, когда они полтонны на троих весят. Он рванул, что есть сил. Быки за ним. Хотел уйти через школу. Сиганул через забор, но уголовные рожи последовали за ним. Зашли с разных сторон. Беглеца поймали в улич-

ном школьном театре. Прямо перед партером. Далее действие перенеслось в амфитеатр, где бедолагу пустили под молотки. Даже под кувалды. Треснул парадный спортик. Маркин даже на секунду заперезживал о нем. Окровавленное же лицо совсем не беспокоило его. Жека был повержен. Физически... Но не духом... Потому дебильно улыбался, а затем плюнул кровью в одного из обидчиков, добавив им новых аргументов для оправдания насилия. Те будто с цепи сорвались. Новый раунд погасил свет в разуме паренька.

Вечер. Белосветск. Район «Восьмуха». Автосервис Болова.

Нежелание дикарей понимать, что живут они в цивилизованном обществе, пугало. Пугает.

Сколько Жека пребывал в отключке, стоило лишь догадываться, но он точно понимал, его куда-то переместили, связали по рукам и ногам и подвесили вниз головой, при этом завязав глаза. Сознание пришло от тяжелого удара по корпусу.

– Э-э-э-э-э-э, вы чего? Что за методы? Сейчас не девяностые. Поставьте меня на землю. Давайте поговорим, как культурные люди.

– Матвей! – скомандовал сиплый голос, Маркин без труда догадался, кому он принадлежал. Это был Болт, тот самый Болт, что держит во власти весь Белосветск.

Один из братьев нажал на кнопку и механизм, держащий

бедолагу, со скрипом тронулся вниз. Жека даже обрадовался поначалу, думал, что мольбы его услышаны, пока голова не коснулась воды. Хорошо, воздуха успел набрать, а то б точно захлебнулся. Он побрыкался, ударился пару раз головой об игривый металл и успокоился. Стоило хранить кислород. Продержали долго, паренек чуть не испустил дух. Подняли.

– Вы чего творите? – очередные вопли вышли из организма Маркина, – Я чего вам сделал?

– Матвей!

Новое знакомство с водой остудило пыл орущего.

– Матвей, сними тряпку.

Жека прозрел, но в глаза ему ударил свет красных неоновых ламп. Вокруг автосервис, а он висел на цепях, примотанных к кран-балке, снизу бочка с водой. На кожаном кресле в славянской рубаше с орнаментом, опоясанный кушаком, сидел Болт. Маркин слышал истории, что он пытается людей в таком изящном наряде, но полагал это все байки. Рядом стоял Матюша, державший пульт от кран-балки, чуть дальше Олежа и Кирюша.

– М-да-а-а, дела! – прикинул Жека, – Вот ты вляпался, конечно!

– Евгений Иванович Маркин 1990 года рождения, – неспешно разворачивал диалог авторитет, – Правильно? Я нигде не ошибся?

– Да-да!

– Видишь, Матвей! Вода успокаивает людей, – тот актив-

но закивал гривой, – Ты же спокоен, Евгений Иванович? Или мне тебя называть Марком? Интересно, все это. Не так ли? Улицам совершенно не важно, как человека называют родители. У них свое мнение.

– Как хотите, так и называйте, опустите только меня, – негодовал Жека.

– Матвей!

Узник повторно отправился в дальнейшее плавание, на этот раз дольше, отчего нахлебался воды и раскашлялся.

– Марк, значит, да?

– Да-да! – через кашель выдавил из себя пленник.

– Знаешь, зачем я позвал тебя в гости?

– Нет.

– 8 марта, дом 17. Знаком адрес?

– Я там живу.

– И все?

– И все!

– Матвей!

– Стойте-стойте!

Болт поднял руку, остановив подчиненного.

– Я не знаю, что вы от меня хотите услышать.

– Вода успокаивает людей. Матвей!

Опять бочка. Маркин чуть не захлебнулся.

– Еще версии.

– Бухлом я у дома торгую.

– Уже теплее, Евгений Иванович. Уже теплее! Матвей, ты

представляешь, товарищ по незнанию своему на моей земле дела делает и не делится.

– Не порядок! – выдал тот.

– Полное отсутствие обычая. Какие неправильные юные убеждения на фоне этической незавершенности разума. Не знал, Евгений Иванович, что надо делиться с уважаемыми людьми?

– Не знал.

– А ведь ты сам спровоцировал и направил меня, – авторитет крепко потер руки, – Будешь делиться, да?

– Буду-буду, только не надо больше воды.

– Это правильно, Евгений Иванович, это правильно. Озарило ощущение совпадения с истиной?

– Озарило! – Маркин готов был сказать все, что угодно, лишь бы его больше не окунали в бочку, и говорил.

– По тридцатке будешь заносить каждую неделю.

– Да, я ж сам столько не поднимаю, – корысть взяла верх над страхом.

– Матвей!

Вода заставила Жеку согласиться с невыгодными условиями сделки.

– И еще триста тонн через месяц за упущенную выгоду, – как-то буднично сообщил Болт.

– Аркадий Матвеевич, Аркадий Матвеевич, да, где ж я столько возьму?

– Матвей, может, утопим его за то, что он сделал? Да, и

черт с ней, с этой упущенной выгодой. Душевные раны не всегда можно излечить деньгами, как думаешь?

– Как скажете, шеф, так и будет!

– Стойте-стойте, я ж согласился, что буду башлять, – затараторил Маркин, – но триста тысяч – это что? Мне почку продать?

– У тебя их две! – рассмеялся Матвей, его поддержал и Болт, и братья.

– Бедную девочку опорочил и в кусты, а еще и к другой свататься пошел. Не по-людски! Не по-людски!

– Какую девочку? Вы о чем?

– Гастелло, дом 8. Знаком адрес?

– Мне пизда! Ксюха – его дочь, – подумал Жека, ибо все встало по своим местам, пришлось согласиться с аргументами, – Извините, я не хотел. Триста тысяч, так триста тысяч.

– Душевные раны не всегда можно излечить деньгами.

– Так вы ж сами меня на бабки поставили, – взвыл Маркин, но быстро заглох, ибо Матюша с детской радостью на лице прописал тому в печень.

– Чадо ей заделал и теперь откупиться хочешь? Что за молодежь пошла, а? Где ваши предостерегающие видения? Разобщенность во всем! Стар стал, видимо, чего-то не понимаю уже. Эх, ты должен доказать делом неправоту!

– Так вы же... Сами сказали.

Матюша еще раз нацелился для удара, но авторитет взмахом руки осадил его намерения.

– Я сказал, ты согласился. Слово уже не вернуть, слово ж не воробей. Придется отдать должок, Евгений Иванович... Или ты против слова своего?

– Подождите, какое чадо, я же..., – дослушивать Жеку не стали и окунули в бочку. Надолго.

– Слушай сюда, щегол! – Аркадий Матвеевич подорвался со своего кресла, вооружившись ликом сатаны, и больно ткнул указательным пальцем Маркину в грудь. – Раз опорочил мою бедную девочку, теперь женишься на ней, как порядочный человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.